

ДАВИД КОН

КАЮТА
НОМЕР 6

САБАБА-ДЕТЕКТИВ

Сабаба-детектив. Особый отдел полиции

Давид Кон

Каюта номер 6

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-312.4(569.4)

ББК 84(5Изр)-44

Кон Д.

Каюта номер 6 / Д. Кон — «Эксмо», — (Сабаба-детектив. Особый отдел полиции)

ISBN 978-5-04-198319-2

Атмосферный детектив, в котором преступление совершается на шикарной яхте в тесном кругу уважаемых людей. Круизная яхта «Мария», пробивая носом соленые волны Средиземного моря, держит курс в порт Ашдода. Группа милейших людей собралась в библиотеке, чтобы сыграть в преферанс. Едва партия началась, как хозяин яхты, миллиардер мистер Орлов, вдруг вспоминает, что забыл в своей каюте трубку. Простую курительную трубку. Но без нее никак. Ждали возвращения хозяина минут пятнадцать. Затем заволновались. Потом обыскали судно. Мистер Орлов исчез. Капитан на малом ходу пошел обратным курсом. Тело хозяина вскоре обнаружили среди волн... Невеста миллиардера в истерике. Мать в отчаянии. Друзья ошарашены. Тело несчастного занесли в морозильную камеру. Но пока яхта швартовалась у берега, пока на борт поднималась адвокат Дана Шварц, ситуация на борту вообще стала кошмарной: кто-то отрубил у трупа голову и неизвестно куда ее спрятал, а в кулаке покойника появилась записка с короткой фразой: «Я здесь»... Давид Кон более 10 лет работал ведущим единственного израильского телеканала на русском языке "9 канал". До этого возглавлял газеты «Наша страна» и «Русский израильтянин». Один из самых популярных русскоязычных журналистов в Израиле. Во главе "русской" партии баллотировался в Кнессет. Сейчас работает в Интернете.

УДК 821.161.1-312.4(569.4)

ББК 84(5Изр)-44

ISBN 978-5-04-198319-2

© Кон Д.

© Эксмо

Содержание

Давид Кон	6
1	7
2	13
3	18
4	22
5	25
6	28
7	29
8	34
9	36
10	38
11	40
12	42
13	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Давид Кон

Каюта номер 6

© Кон Д., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2024

* * *

1

Ровно в десять утра белоснежная «Вольво ХС-40», принадлежащая адвокату Дане Шварц, въехала на Пальмовую улицу иерусалимского пригорода Моца-Иллит. Улица, как и весь поселок, была застроена добротными частными домами из белого иерусалимского камня и покрытыми красно-коричневой черепицей. Машина сбросила скорость на узкой улице, проехала несколько десятков метров и остановилась у металлических ворот, встроенных в глухой забор из такого же белого камня. За забором росли темно-зеленые туи, посаженные так густо, что полностью закрывали от любопытных взглядов все происходящее в большом саду вокруг дома. У ворот стоял бывший муж Даны заместитель начальника Следственного управления уголовной полиции Иерусалима полковник Габриэль Лейн и с интересом наблюдал, как белоснежная «Вольво» двинулась задним ходом, чтобы занять единственное свободное место на парковке у стены между роскошным темно-серым «Бентли» и стареньким грузовичком. Под взглядом бывшего мужа Дана нервничала, спешила и едва не чиркнула задним бампером своей любимицы по сверкающему крылу «Бентли». К счастью, полковник Лейн успел предостерегающе вскинуть руку, и Дана резким движением впечатала педаль тормоза в пол.

– Ты следишь за мной как за диковинной зверушкой, – возмутилась она, когда Габриэль подошел вплотную к машине.

– Наблюдать, как течет река, как горит огонь и как паркуется рыжеволосая красotka, можно вечно, – улыбнулся Габриэль.

Дана обиженно выпятила нижнюю губу, но слово «красotka» из уст бывшего мужа явно произвело на нее благоприятное впечатление.

Четыре месяца назад супруги официально оформили развод, после чего Габриэль оставил жене с дочерью иерусалимскую квартиру и переехал в этот особняк, принадлежащий его деду. Именно здесь, в большом трехэтажном доме, окруженном садом в двадцать пять акров¹, бывшие супруги собирались сегодня отпраздновать восемнадцатилетие их единственной дочери Алины.

Сама именинница сидела рядом с матерью на пассажирском сиденье «Вольво» и с улыбкой смотрела на отца, распахнувшего перед ней дверцу с торжественным поклоном.

– Здравствуй, моя дорогая именинница! – сказал Габриэль, подавая руку дочери.

Алина гордо взглянула на мать, оперлась на руку отца и вышла из машины.

– С днем рождения тебя! – Габриэль обнял дочь и нежно поцеловал в обе щеки. – А обещанный сюрприз будет только вечером. Так что придется подождать.

– Хорошо, – согласилась Алина. – Подожду. Хотя, конечно, до ужаса хочется узнать, что за сюрприз ты мне приготовил.

Она лукаво улыбнулась. Накануне Дана «под страшным секретом» сообщила дочери, что отец купил ей новенький компьютер и сегодня ждет мастеров, которые должны установить на него все необходимое программное обеспечение. Эта лукавая улыбка не укрылась от полицейского взора полковника Лейна. Он мгновенно прибавил к этой улыбке фальшивые нотки, которые прозвучали в голосе дочери, и понял, что тайна его сюрприза раскрыта. Полковник бросил гневный взгляд на бывшую супругу. Дана, уже успевшая выйти из машины, ответила безмятежной улыбкой ангела, воздушным поцелуем и захлопнула дверцу «Вольво». Фальшивые нотки в голосе дочери прозвучали слишком откровенно. Габриэль, конечно, догадался, что она проговорила и раскрыла дочери его секрет. «Надо было мне молчать, – с запоздалым раскаянием подумала она. – Должна была понять, что Алина не сможет обмануть Габи».

¹ Двадцать пять акров – примерно 10 гектаров, или 100 тысяч квадратных метров.

– Мог бы подать руку бывшей жене, – капризно пропела Дана, пытаясь скрыть смущение и памятуя, что лучшей обороной является атака.

Габриэль не сводил гневного взгляда с бывшей жены. Ее смущение было настолько милым, что он решил не сердиться.

– Извини. – Габриэль развел руками. – Но сегодня все мое внимание только имениннице.

– Только сегодня? – хмыкнула Дана и добавила, скорее для порядка, просто чтобы не оставлять за бывшим мужем последнее слово. – Меня ты никогда не баловал своим вниманием.

– Как это никогда? – Огорчение Габриэля было настолько искренним, что Дана стало совестно за последнюю фразу. «Я веду себя очень глупо. И болтаю всякую чепуху», – мелькнуло у нее в голове. Впрочем, в ее арсенале, как и в арсенале любой женщины, было немало способов исправить настроение любому мужчине, даже бывшему мужу. Дана нежно обняла Габриэля и чмокнула его в щеку.

– Забирай торты из багажника.

Габриэль мгновение помедлил, словно размышляя, стоит ли ему настаивать на продолжении этого нелепого разговора, способного привести бывших супругов к очередной ссоре, затем покорно кивнул, открыл багажник машины, в котором стояли одна на другой две большие коробки. Полковник приоткрыл верхнюю, заглянул под крышку и вороватым жестом мальчишки-озорника провел пальцем по краю большого торта, на белой поверхности которого красовалась надпись голубым кремом: «Алине 18».

– Папа! – укоризненно воскликнула Алина. – Ты как маленький.

– Вкусно, – улыбнулся Габриэль, облизывая палец. – Что это за торт?

– «Пражский». – Дана строго взглянула на бывшего мужа. – А во второй коробке два «Наполеона».

– Ого! – восхитился Габриэль. – Целых два? И все это ты? Одна?

Дана тяжело вздохнула и скромно потупилась. Дескать, кто же может помочь одинокой женщине.

– Я помогала варить крем, – поспешно вставила Алина. – Но все остальное мама делала сама.

– Почему сама? – возмутился Габриэль. – А Вера Борисовна? Она же обещала помочь тебе с тортами.

– Твоя бывшая теща уехала, – чеканя каждое слово, сказала Дана.

– Как уехала? – опешил Габриэль. – Куда? Когда?

– Два дня назад. Уплыла на яхте. В увлекательное морское путешествие.

– На яхте? На какой яхте? В какое морское путешествие? – Габриэль перевел взгляд на Алину, точно хотел убедиться, что его не разыгрывают. – Твоей бабушки не будет на дне рождения? Этого не может быть. Она же так хотела... Она же так готовилась...

– Она будет на дне рождения, – перебила Дана и скомандовала: – Бери торты, а мы забередем все остальное.

Габриэль забрал из багажника коробки. Судя по взгляду, его разбирало любопытство, и он явно собирался найти момент, чтобы продолжить разговор о таинственном путешествии бывшей тещи. Дана взяла с заднего сиденья два чехла для одежды, из которых торчали металлические крюки вешалок, и протянула их Алине.

– Наши вечерние наряды повесь в шкаф.

Алина бережно взяла чехлы и перекинула их через руку. Дана взяла с заднего сиденья две большие сумки и захлопнула дверцу.

– Вперед! – скомандовала она и первой пошла к металлической калитке.

За калиткой в просторном саду царил суета. Незнакомые женщины в форменных платьях компании по уборке гремели посудой. Несколько мужчин в белых рубашках и пиджаках того же цвета, что и платья женщин, расставляли на поляне большие круглые столы. Трава на

поляне была аккуратно подстрижена и отливала сразу несколькими оттенками зеленого цвета. За каждым из больших столов предполагалось разместить десять гостей. И хотя на торжестве должны были присутствовать двадцать восемь человек, на поляне устанавливали четыре стола. Об установке дополнительного стола накануне вечером попросила Дана по телефону. Полковник Лейн проводил совещание и потому не стал задавать вопросов, а только сказал: «Хорошо, будет четыре стола», – и повесил трубку. Но сейчас Габриэль собирался выяснить как можно скорее, что за таинственные гости должны прибыть на их семейное торжество. Аналитический мозг полицейского немедленно связал этих гостей с загадочным морским путешествием бывшей тещи. «Может быть, какие-то новые знакомые пригласили ее прокатиться на яхте?» – думал он. Нет. Вера Борисовна не стала бы приглашать новых знакомых на день рождения внучки. Значит, какие-то родственники, о которых ему ничего не известно. Но что это за новые родственники? И почему они прибывают по морю, а не на самолете, как все нормальные люди? Габриэль чувствовал, что его распирает от всех этих вопросов, но решил не торопиться и ждать, пока Дана сама ему все расскажет. Он покосился на бывшую жену. Та шла к дому, с удовольствием вдыхая воздух, не смешанный с парами бензина. Проходя мимо женщин, занимающихся посудой, она протянула им свои сумки.

– Это салаты и соленья, – сказала Дана. – Разложите их, пожалуйста, по вазочкам.

– Конечно, – кивнула одна из женщин, забирая сумки.

Приветливый мужчина забрал у Габриэля коробки с тортами.

– Торты, – констатировал он, заглянув под крышку верхней коробки. – Их, как я понимаю, в холодильник?

Габриэль кивнул и благодарно улыбнулся. Алина перекинула чехлы с вечерними нарядами через спинку кресла и повернулась к отцу.

– А где Старый Хельмут?

Старым Хельмутом она называла 98-летнего деда Габриэля Хельмута Лейна. Несмотря на свой возраст, Хельмут Лейн был крепок телом и силен духом. Его лицо, словно высеченное из скалы, пересекали в разных направлениях глубокие морщины, придававшие ему грозно-пугающее выражение. Закатав рукава клетчатой байковой рубахи, он чистил от жира и сажи огромную жаровню, установленную под большим навесом в дальнем конце сада. Заметив идущих к нему Алину и Дану, Хельмут оставил свое занятие, повесил на крюк металлический ершик с длинной ручкой и двинулся к ним, широко расставив в стороны крепкие руки с черными от золы пальцами. Алина бросилась прадеду на шею.

– Здравствуй, моя дорогая именинница! – прогудел Хельмут, продолжая держать руки в стороны и отвечая на объятия Алины только движениями головы. – Поздравляю тебя с совершеннолетием! Будь здоровой и счастливой!

– Спасибо, Хельмут!

Старый Хельмут шагнул к Дана и поклонился, всем своим видом демонстрируя, что не может подать ей руку. Дана поцеловала его в щеку.

– Ты развил бурную деятельность. – Она кивнула в сторону поляны, на которой уже стояло четыре стола. Женщины накрывали их белыми скатертями, а мужчины расставляли вокруг стулья.

– Не каждый день моей правнучке исполняется восемнадцать лет, – улыбнулся Хельмут. Габриэль недовольно кивнул в сторону жаровни:

– Почему ты занимаешься этим сам? Попросил бы кого-нибудь из ребят почистить.

– Ну нет. – Хельмут решительно качнул головой. – Эту жаровню я не доверю никому. Я ею давно не пользовался. Но сегодня... Я обещал имениннице жареного барашка. Значит, будет барашек.

– Целый? – ахнула Дана.

– Не просто целый. – Хельмут взялся за металлическую щетку. – А еще и фаршированный. Яблоками, айвой и домашней лапшой. По старому баварскому рецепту.

– Ну, Хельмут! – только и смогла выговорить Дана и поспешно добавила: – А я приготовила несколько салатов. И торты.

– Отлично! – Хельмут провел металлической щеткой по внутренней поверхности жаровни. – Габриэль вчера купил спиртное. Так что... Все готово.

Он покосился на Дану и добавил:

– Мы поставили четыре стола. Как ты просила.

– Спасибо. – Дана взглянула на Габриэля. Его лицо выражало такое нетерпение, что она рассмеялась. – Дело в том, что мой двоюродный брат Миша женится.

– Миша? – переспросил Хельмут, переглянулся с Габриэлем и уточнил: – Сын родной сестры твоей мамы?

– Да, – кивнула Дана. – Сын тети Маши.

– На ком? – быстро отреагировал Габриэль.

Дана выдержала паузу, укоризненно глядя на бывшего супруга и словно говоря ему: «Офицер полиции не должен быть таким любопытным», но не выдержала и возвела глаза к небу.

– О-о-о! – В ее тоне появились иронично-восторженные нотки. – Не поверишь, но на итальянской княжне.

На мгновение у жаровни установилась тишина.

– Ты серьезно? – спросил Габриэль.

На его лице отразилось такое искреннее удивление, что Дана рассмеялась.

– Вполне. Наш романтичный Миша, мечтавший найти себе скромную еврейскую жену, запал на итальянскую княжну. Она потомок какого-то безумно древнего итальянского рода. По фамилии Колонна. Миша познакомился с ней в Израиле месяцев шесть назад. И представьте себе, княжна влюбилась в нашего Мишу. А он в нее. Да еще как! Смотрят друг на друга не отводя глаз. Если расстаются, перезваниваются сто раз в день. И пишут друг другу нежные письма.

Глаза Габриэля горели от любопытства и возбуждения. Он переглянулся с дедом. Но на лице Старого Хельмута сохранилось прежнее иронично-спокойное выражение.

– Вот это да! – воскликнул Габриэль. – Романтическая история. Итальянская княжна. Израильский миллионер. Любовь с первого взгляда...

– Род Колонна вполне достойный, – неожиданно заявил Хельмут. – Они первыми выступили против Муссолини летом сорок третьего года. Это тогдашний глава рода князь Витторио уговорил короля Италии Виктора Эммануила принять отставку дуче.

Дана замерла, не сводя глаз со Старого Хельмута, ожидая продолжения исторического экскурса. Но Габриэль словно не слышал слов деда. Его явно интересовало не прошлое, а будущее.

– И что теперь? Будет свадьба? В Израиле или в Италии?

– Будет свадьба. – Дана не сводила глаз с возбужденно пыхтящего Габриэля. – Даже две. И в Израиле, и в Италии. У Миши, как всегда, обширные планы и большая программа. Два дня назад он на своей яхте «Мария» отплыл за невестой на остров Крит.

– На Крит? – удивился Габриэль. – А почему на Крит?

– Там живет бабушка его невесты. Старая княгиня. – Дана развела руками и присела в некоем подобии книксена. – В поместье, которое досталось ей от последнего мужа. Какого-то греческого миллионера. Невеста прилетела к бабушке, чтобы сообщить ей о свадьбе и попросить благословения. Туда же плывет Миша на своей яхте. Он должен забрать невесту, ее брата и бабушку и привезти их в Израиль.

– Зачем? – выпалил Габриэль.

Дана с улыбкой смотрела на бывшего мужа, понимая, что каждое сказанное ею слово будет только увеличивать его удивление.

– Во-первых, невеста Миши, которую зовут Лукреция, хочет познакомиться с израильской родней будущего мужа. То есть с нами. Во-вторых, она мечтает о свадьбе в Израиле. Причем эта свадьба должна пройти по всем правилам иудаизма. С хупой² и раввином. И потому она решила пройти гиюр³.

– Пройти гиюр?! – воскликнул Габриэль, и его глаза расширились до предела.

– Представь себе, – кивнула Дана. – Итальянская княжна решила стать добропорядочной еврейской женой. И взять себе имя Лея.

– Я в шоке! – Габриэль схватился двумя руками за голову и взглянул на деда, но тот невозмутимо тер металлическим ершиком внутреннюю поверхность жаровни.

– Ночью они отплыли с Крита и сегодня к пяти часам вечера должны пришвартоваться в порту Ашдода⁴, – продолжила Дана. – Там их уже будут ждать машины, и в районе шести они будут здесь.

– Здесь? – почти выкрикнул Габриэль. – Они приедут к нам?

– А куда же еще? – Дана развела руками. Ее явно забавляло искреннее удивление Габриэля. – Они хотят поздравить Алину с днем рождения.

– Это для них ты просила поставить дополнительный стол? – сообразил Габриэль.

– Конечно, – кивнула Дана. – Сегодняшний вечер они проведут у нас. Завтра поедут в раввинат, выяснять, какие документы нужны для прохождения гиюра. Послезавтра отплывут в Рим. Там молодые распишутся.

– То есть заключат еще и гражданский брак? – уточнил Габриэль.

– Конечно. В Риме будет небольшая свадьба. Только для своих. После этого они вернутся в Израиль и начнут свою семейную жизнь. А когда закончится процесс гиюра, будет гигантская свадьба в Иерусалиме.

– Действительно обширные планы! – восхитился Габриэль.

– Обширные, – согласилась Дана. – А нас с Алиной пригласили принять в них участие. Мы послезавтра отплываем с ними в Рим и примем участие в церемонии бракосочетания в тамошнем муниципалитете. Ну и в свадебном торжестве вместе с близкими родственниками и друзьями с итальянской стороны.

– Мы поплывем на яхте? – обрадовалась Алина и тут же надулась. – Почему ты мне об этом не рассказала раньше?

– Потому что я не была уверена, что смогу поехать, – Дана обняла дочь. – Было много работы. Но в конце концов Даммер меня отпустил.

Старый Хельмут выпрямился, повесил ершик на крюк и обдал очищенную жаровню водой из шланга.

– Сколько человек приедет к нам сегодня?

Дана пожала плечами.

– Мои родители, родители Миши...

– Их мы считали в числе гостей. И Мишу тоже считали, – сказал Хельмут. – Ты посчитай непредвиденных гостей.

– Невеста Миши, ее родной брат и бабушка. – Дана загнула три пальца. – Заместитель Миши с женой. Помощник Миши. Тоже с женой. Кроме того, они привезут капитана яхты и его помощника.

² Хупа – свадебный балдахин, под которым стоит пара во время церемонии бракосочетания. Обязательный элемент свадьбы по канонам иудаизма.

³ Гиюр – процесс обращения нееврея в иудаизм, обычно продолжающийся несколько месяцев и завершающийся заседанием раввинатского суда, который принимает решение о прохождении испытания.

⁴ Ашдод – портовый город в Израиле примерно в 35 километрах к югу от Тель-Авива.

Дана взглянула на загнутые пальцы и подвела итог:

– Девять человек. Миша, конечно, сядет за один стол не с родителями, а со своей невестой. Так что десять.

– Как раз дополнительный стол. – Хельмут протер руки полотенцем и опустил рукава рубахи. – Всем хватит места.

– Всех посадим за один стол? – забеспокоился Габриэль. – Может быть, этим итальянским князьям и княгиням нужен отдельный стол?

– Перебьются, – отрезала Дана. – Они не у себя во дворце. Посидят с простыми смертными.

Она взглянула на Габриэля.

– А что это ты так разволновался?

Габриэль всплеснул руками.

– Князья и княгини все-таки... – Он взглянул на деда. – Надо будет мне вечером повязать галстук?

Старый Хельмут равнодушно пожал плечами.

– В мою честь ты галстук никогда не повязывал, – возмутилась Дана. – А в честь каких-то итальянских князей...

– Как не повязывал? – возмутился Габриэль. – А на свадьбе?

– Когда это было! – Дана небрежно махнула рукой, подхватила под руку дочь и бывшего мужа, и они пошли к дому. Старый Хельмут шел за ними, лукаво улыбаясь и вытирая мокрые руки большим полотенцем.

2

– Bravo, Живко, bravo! Это было потрясающе вкусно! Спасибо вам!

С этими словами владелец яхты «Мария» Миша Орлов поднялся из-за стола и зааплодировал вошедшему в кают-компанию человеку в высоком поварском колпаке и белоснежном фартуке до пола. Миша даже не обернулся, чтобы взглядом или кивком головы призвать других пассажиров поддержать его порыв. Как всякий состоятельный человек, он был уверен в своей власти над другими и не сомневался, что сидевшие за его спиной не осмелятся оставить его в одиночестве. И действительно, пассажиры яхты, сидящие за столиками, один за другим поднялись со своих мест и тоже зааплодировали.

Кок Живко Тодоров, внесший в кают-компанию поднос с вазочками, на которых высились красно-белые кремовые башенки, украшенные нежно-зелеными марципановыми листьями, покраснел от удовольствия. Он поспешно поставил поднос на стойку и церемонно поклонился, прижимая к груди правую руку, а левой поддерживая колыхающийся и готовый рухнуть колпак.

– Спасибо, сэр! – произнес он по-английски, поклонился еще раз и добавил, обращаясь ко всем: – Мне приятны ваши аплодисменты, дамы и господа.

– Как называется этот замечательный омлет? – Орлов кивнул в сторону своей пустой тарелки.

– У нас в Болгарии его называют миш-маш, – улыбнулся повар. – Это традиционный болгарский омлет. Со многими добавками, разумеется.

– А это чудо? – Миша Орлов соединил пальцы, изображая нечто круглое.

– Это баница, сэр, – догадался кок. – Слоеное тесто, начинка из смеси творога и нескольких сортов сыра. Но это только общие параметры. В Болгарии у каждой хозяйки есть собственный рецепт баницы. Я добавляю в начинку, – он понизил голос, словно собирался доверить собеседникам страшную тайну, – немного вареной тыквы и лимонный сок. Смесь кислого и сладкого в сочетании с сырами и пресным тестом создает очень интересный эффект.

– Очень вкусно! – подвел итог Миша. Не оборачиваясь, он движением рук призвал присутствующих еще раз воздать должное искусству кока. Пассажиры вновь зааплодировали.

Фамилию Орлов Миша носил единственный из всей семьи. Его родители развелись, когда мальчику было три года. Своего отца, Григория Орлова, он почти не помнил. Тот сразу после развода уехал из Ленинграда в далекую Тюмень и появлялся всего пару раз в году, привозя Мише сладости и небольшие подарки. Через три года в жизни Миши появился новый папа – Леонид Славин, а еще через год у Леонида и Мишиной мамы Маши родилась дочь Катя. Леонид Славин никогда не делал различий между пасынком и родной дочерью, старался, чтобы у Миши не было никаких поводов для разочарований. Он был инженером-программистом и работал в Институте ядерной физики на новейшей для того времени электронно-вычислительной машине. Леонид часто брал Мишу в свой вычислительный центр, показывал перфокарты, объяснял, как с помощью пробитых в них отверстий человек может общаться с электронным мозгом. Возможно, именно эти беседы с отчимом и разожгли интерес Миши к точным наукам.

Когда Мише исполнилось тринадцать, а Кате шесть, родители собрались переезжать в Израиль. Шел девяносто второй год. Институт ядерной физики переживал финансовые трудности. Вычислительный центр, в котором работал Леонид Славин, закрылся, и семья жила на зарплату Маши и на случайные заработки Леонида, дававшего уроки математики отстающим школьникам. Мишу, конечно, не посвящали в финансовые проблемы семьи, но он интуитивно ощущал их несостоятельность по сравнению со всеми знакомыми и соседями. И потому, когда Маша решила объяснить сыну причины их предстоящего отъезда из России, Миша выслушал ее спокойно и в ответ на вопрос, хочет ли он ехать, молча кивнул головой.

В Израиле, несмотря на все надежды Миши, ситуация только ухудшилась. В первые две недели после приезда они жили в квартире родной сестры мамы тети Веры. Родственники были приветливы, помогли с записью в больничную кассу, открытием счета в банке и получением самых необходимых вещей. Но это не спасало от ощущения собственной ущербности. «Зря мы сюда приехали», – с тоской думал Миша, глядя на тетю Веру, накрывавшую стол к обеду. В Ленинграде у них хоть была своя квартира и пусть не очень роскошный, но свой обед. А здесь? Они жили в чужой квартире, ютились вчетвером в одной комнате, питались тем, что приготовила тетя Вера. У Шварцев была дочь Дана. Она была младше Миши на пять лет, но уже вполне прилично болтала на иврите. Миша смотрел на двоюродную сестру и понимал, что ему предстоит пройти трудный путь, прежде чем он добьется того, чего добилась она. Впрочем, ситуация улучшилась довольно быстро. Уже через месяц Леонид Славин нашел работу по специальности. А через полтора года Мария Славина подтвердила свой медицинский диплом и была принята в интернатуру в одну из больниц Тель-Авива. Миша, освоивший к этому времени иврит, перешел в девятый класс и порадовал педагогов своими математическими способностями. Именно благодаря этим способностям после призыва в армию он оказался не в десантной, пехотной, танковой и даже не в артиллерийской части, а в элитном подразделении электронной разведки. Долгие тридцать два месяца рядовой⁵ (а позже ефрейтор⁶ и даже младший сержант⁷) Орлов знакомился с новейшей техникой, с помощью которой прослушивал эфир, отслеживал мобильные телефоны членов террористических группировок, наводил беспилотные аппараты и ракеты на скопления боевиков и лаборатории по производству ракет. Демобилизовавшись, Миша вернулся домой и понял, что навыки, полученные в армии, еще долго будут помогать ему в жизни. Как специалиста по электронной технике его пригласили на работу в израильский офис большой американской компании. Он получил солидную зарплату и в двадцать один год вполне мог считать себя состоятельным и состоявшимся человеком. Но через два года его жизнь в корне изменилась. И все из-за Леонида Славина. С отчимом у Миши сложились хорошие отношения. Он был благодарен Леониду за его старания по обеспечению жизни семьи в Советском Союзе, за своевременный переезд в Израиль и за то, как тот ограждал детей от любых трудностей и на старом, и на новом месте. Именно Леонид Славин, постоянно попадавший в сложные ситуации на израильских дорогах, придумал устройство, которое будет, находясь на связи со спутником, помогать водителям находить верный путь. Он предложил Мише создать «семейную фирму» и поработать вместе. Миша задумался. Отказаться от хорошо оплачиваемой работы и уйти в самостоятельное плавание с совершенно неопределенными результатами? Конечно, это был риск. Неоправданный и нелепый. Но Миша согласился. И вовсе не потому, что Леонид убедил его своими чертежами, расчетами и выкладками. Просто он верил в себя, в свою счастливую звезду и в то, что даже в случае неудачи сможет вернуть потерянное. Первые три года самостоятельного плавания были тяжелыми. Деньги, которые им удалось получить от спонсоров, почти полностью уходили на зарплату сотрудникам и покрытие расходов небольшого офиса. В какой-то момент Миша даже не смог оплачивать свою съемную квартиру и был вынужден вернуться в квартиру родителей. Но в конце 2002 года программа заработала. А еще через год они собрали и полностью отладили свой первый GPS-навигатор. С тех пор дела компании и ее владельцев пошли в гору. Вскоре Миша купил свою первую квартиру в центре Тель-Авива и зафиксировал первый миллион долларов на своем банковском счету.

В 2010 году в жизни компании наступил коренной перелом. Ее купил один из американских гигантов за совершенно баснословную сумму в восемьсот миллионов долларов. Из этой

⁵ Рядовой – в армии обороны Израиля это звание называется «турай» (תוראי – *иврит*).

⁶ Ефрейтор – в армии обороны Израиля это звание называется «турай ришон» (תוראי רישון – *иврит*).

⁷ Младший сержант – в армии обороны Израиля это звание называется «рав-турай» (ראב-תוראי – *иврит*).

суммы Мише досталась почти половина. Кроме того, он получил часть акций новой фирмы и предложение занять пост генерального директора с пятизначной зарплатой. Пятидесятипятилетний Леонид Славин никаких предложений не получил и покинул фирму. Впрочем, это его не огорчило. Суммы, полученной при продаже компании, вполне хватало на безбедную жизнь ему и его Маше.

Следующие одиннадцать лет еще больше укрепили финансовые возможности Миши. Его состояние вплотную подобралось к миллиарду долларов. Фамилия Орлов регулярно появлялась в списке самых богатых людей Израиля. Из тель-авивской квартиры Миша переехал на большую виллу в приморском районе Герцлии, купил яхту и несколько квартир в разных городах мира. Теперь, когда ему пошел сорок пятый год, он собирался жениться и наконец обзавестись, к радости матери, детьми.

...Потрепав растроганного кока по плечу, Миша сел на место и положил ладонь на руку сидевшей напротив невесты.

– Мне тоже очень понравились и омлет, и баница, – сказала Лукреция Колонна и одарила жениха ласковым взглядом.

Яркая блондинка в белой водолазке, выгодно подчеркивающей ее высокую грудь, и широкой юбке из джинсовой ткани взмахнула рукой, чтобы привлечь внимание кока.

– Вы научите меня, Живко, готовить эти блюда? Если они так нравятся моему мужу, мне придется включить их в наше постоянное меню.

– С удовольствием, мадам. – Живко галантно склонил голову. – Рецепты очень просты, и готовятся они всего за двадцать минут.

– Это очень неосторожно сказано, Живко, – выкрикнул мужчина с пышной седой шевелюрой в белом костюме и голубой гавайской рубашке с узором в виде темно-синих джунглей. – Если вас услышит капитан, он решит, что вы недостаточно загружены по утрам.

Мужчина закутил головой, словно призывая всех присутствующих отреагировать на его шутку, которая ему самому явно очень нравилась. Сидевшая напротив него женщина средних лет в белом бесформенном балахоне засмеялась первой. Вслед за ней заулыбались остальные и дружно взглянули на капитана яхты, высокого худощавого мужчину в темно-синем форменном мундире, сидевшего за одним из столов. Капитан никак не отреагировал на шутку седовласого мужчины, он продолжал есть, аккуратно действуя ножом и вилок. Только поднятая вверх бровь свидетельствовала о том, что он все слышит. На слова седовласого отреагировал сидящий напротив капитана мужчина в таком же синем мундире и белом шарфе.

– Не беспокойтесь, Живко, – весело отозвался он, поднимая руку с зажатой в ней вилок, – мистер Азулай шутит, по своему обыкновению. Нашему капитану важен только конечный результат, а не время, которое вы тратите на его достижение.

Сказав эту фразу, помощник капитана Оливер Жервиль бросил веселый взгляд на капитана, и тот ответил ему благодарной улыбкой. Кок Живко Тодоров тоже улыбнулся помощнику капитана.

– Я понимаю, сэр.

– Не верьте, Живко, – проворчал седовласый, которого назвали мистером Азулаем. – Месье Жервиль, как все французы, пытается всех примирить, а капитан Рид, как все американцы, берет на заметку каждое слово. И ваша славянская беспечность когда-нибудь вам отойдется.

Теперь заулыбались все присутствующие. Сидевшая напротив Азулая женщина шутливо ударила его кончиками пальцев по руке.

– Вот еще, Илан, – капризно пропела она. – С каких это пор ты начал так хорошо разбираться в национальных особенностях людей? Ты не боишься, что господин Жервиль скажет все, что он думает о евреях?

Илан Азулай с притворным испугом вскинул руки к лицу, будто хотел защититься от ударов.

– Вот этого я точно не боюсь, милая Рахель, – запричитал он. – То, что могу сказать о евреях я, не придет в голову ни одному другому человеку.

Этот нелепый разговор явно начал тяготить находящихся в столовой. Они переглядывались, пожимали плечами, поднимали брови, крутили головами и возвращались к еде. Но Рахель Азулай, не замечая этого, собиралась ответить на слова мужа. Она уже открыла рот, но не успела произнести ни слова.

– Я бы не рекомендовала тебе, Лукреция, готовить эту баницу своему мужу. В ней слишком много теста и жира.

Эту фразу произнесла густым контральто⁸ величественная дама, сидящая в одиночестве за столом в дальнем конце кают-компании, под картиной, на которой изображались каравеллы, заходящие в гавань. Рядом с дамой опиралась на стол тяжелая трость из красного дерева с ручкой в виде раскрытой ладони. Дама единственная не поднялась для того, чтобы поаплодировать повару. Она была одета в строгое сине-зеленое платье, ее седые волосы были уложены в сложную высокую прическу, а надменный взгляд отбивал всякое желание вступать с ней в беседу и уж тем более спорить.

– Бабушка! – укоризненно произнесла Лукреция и виновато улыбнулась повару. – Не будь слишком строга и категорична.

– Я говорю то, что думаю, – прогудела дама, явно подразумевая продолжение фразы: «Потому что могу себе это позволить». Ее тонкие губы растянулись в улыбке, и она показала рукой на свою тарелку с почти нетронутой баницей.

Кок Живко Тодоров моментально сориентировался в ситуации и счел нужным немедленно погасить возникшие разногласия.

– Вы совершенно правы, госпожа княгиня, – живо произнес он, обратившись всем телом к даме. – Основу баницы действительно составляет слоеное тесто, в котором немало масла. А как вашему сиятельству понравился мой омлет?

Такая предупредительность в сочетании с обращением «ваше сиятельство», несомненно, пришлись по вкусу даме. Она даже улыбнулась коку, отчего ее узкие скулы двинулись вверх, а губы вытянулись в трубочку.

– Благодарю вас, мой друг, – сказала она. – Омлет замечательный. Его рецепт моей внучке, думаю, следует у вас попросить. Мой греческий повар готовит для меня примерно такой же омлет. Но ваш, признаюсь честно, гораздо более воздушный.

Кок поклонился, прижав к груди правую руку. Величественным жестом княгиня указала на поднос, стоящий на барной стойке.

– А что это вы принесли нам сейчас, Живко?

– Десерт, мадам. – Кок взял поднос и пошел с ним между столами. – Суфле из белого шоколада с малиновым желе и семенами аннато. Я сам разработал этот рецепт. Надеюсь, он вам понравится.

– Малиновое желе, – в глазах княгини появилось мечтательное выражение. – Понравится. Можете не сомневаться. Малиновое желе – это моя слабость. – Княгиня бросила на кока строгий взгляд. – Если, конечно, это желе из малины, а не из каких-то суррогатов.

– Разумеется, из малины, княгиня. – Живко улыбнулся строгой даме и подошел к столу, за которым сидели Миша Орлов и Лукреция Колонна.

– Увы, милый Живко, – вздохнула Лукреция. – Но мне придется остаться без десерта. Хотя я, как и бабушка, обожаю малиновое желе. Для моей диеты ваше суфле стало бы слишком серьезным испытанием. Мне на свадьбе придется влезать в узкое платье. Вот после свадьбы...

⁸ Контральто – низкий женский голос.

– Я постараюсь за тебя, дорогая, – перебил невесту Миша Орлов. – Я влезу в свой смокинг даже после парочки этих аппетитных башенок.

Кок поклонился и поставил на стол две вазочки. Орлов придвинул к себе одну из них, взял лежащую перед ним серебряную ложечку и обратился к капитану:

– Мистер Рид, когда мы должны прибыть в Ашдод?

Капитан, который придвинул к себе вазочку с красно-белой башней и рассматривал ее, словно примериваясь, как к ней удобнее всего подступить, поднял голову.

– По всем подсчетам, примерно в шестнадцать пятьдесят, сэр. Если, конечно, метеорологи не подвели нас с прогнозом погоды.

– Отлично. – Миша взглянул на часы. – Сейчас половина двенадцатого. Значит, до прибытия в порт мы успеем расписать... – он поднял голову, взглянул на Илана Азулая и закончил: – большую пулю⁹. Надеюсь, мои партнеры составят мне компанию?

Илан поймал на себе взгляд Миши, оторвался от десерта и коротко кивнул. Миша перевел взгляд на молодого человека, с напряженным и даже испуганным взглядом сидевшего за столом у самой двери. За все время беседы ни молодой человек, ни симпатичная брюнетка напротив него не произнесли ни слова.

– А как ты, Тамир?

Молодой человек улыбнулся виноватой улыбкой и тоже кивнул.

– С удовольствием, – сказал он.

– Отлично! – воскликнул Миша и с запоздалой учтивостью обратился к невесте: – Ты не возражаешь, дорогая, если я сыграю партию в преферанс?

– Нет, конечно, – улыбнулась Лукреция, допивая кофе. – Я пока соберу вещи и поваляюсь с книгой. Мне надо отдохнуть. Нам предстоят очень хлопотные дни.

– Благодарю тебя! – Миша коснулся губами руки невесты и обратился к партнерам: – Тогда встречаемся в библиотеке ровно в двенадцать. У нас будет четыре часа на игру.

Миша решительным движением придвинул к себе вазочку с суфле и чашку с кофе.

⁹ Расписать пулю – на жаргоне преферансистов сыграть партию в преферанс.

3

Мария Славина подхватила под руку сестру и пошла с ней по палубе, изредка касаясь свободной рукой деревянного планшира фальшборта¹⁰, чтобы сохранить равновесие. Яхта шла ровно и быстро, но небольшая носовая качка ни на секунду не давала пассажирам забыть, что они находятся в открытом море. Вера прижала к себе руку сестры и оперлась на нее всем телом. Она была не рада, что согласилась на это путешествие. Конечно, это все очень романтично. Ветер, воздух, звезды, лучи солнца, пробивающиеся сквозь облака. Как пелось в старой советской песне: «Только небо и море вокруг». Но в ее возрасте такие авантюры – это явный перебор. Тем более после сытного и вкусного завтрака. Яхта в очередной раз поднялась и опустилась. Вера замерла на месте, прислушиваясь к ощущениям. Бурление в пищеводе усилилось и в ритме движения судна подкатило к горлу. Вера Борисовна издала неопределенный звук.

– Тебе нехорошо? – участливо спросила Мария.

– Нет, ничего. – Вера тяжело вздохнула. – Сейчас пройдет.

«Представляю, в каком виде я буду сегодня вечером на дне рождения Алины. Это просто катастрофа», – думала она. Господи, надо же было ей так опростоволоситься! Как ей хотелось предстать в лучшем виде перед семьей Лейн, перед родителями и сестрами Габриэля, перед этим дедушкой Хельмутом. И вот что она натворила. Вместо того чтобы поехать сегодня с утра в косметический кабинет, потом на массаж и к парикмахеру, она согласилась на эту авантюру с морским путешествием.

Яхту еще раз качнуло. Тяжелый ком опять подкатил к горлу. «Надо было идти в каюту», – вздохнула Вера Борисовна. Но как она могла это сделать, если Маше явно хотелось обменяться впечатлениями о будущей невестке? Накануне остаться наедине им не удалось. Яхта поздно отплыла с острова Крит, и сразу после отплытия пассажиры разошлись по каютам.

– Вера! – встревоженно сказала Мария.

– Я в порядке, – Вера махнула рукой и вновь пошла по палубе, опираясь на руку сестры. – Давай уже скорее доберемся до шезлонгов.

Они обогнули корму, к которой с левого борта примыкала большая площадка, выходящая за пределы яхты и нависающая над морем. Эту площадку называли смотровой. На ней рядом с небольшим бассейном было несколько рядов шезлонгов. Вера с облегчением опустилась в один из них. Мария помогла ей, заботливо накрыла ноги сестры теплым пледом и погладила по голове.

– Отдыхай.

Мария села на соседний шезлонг и взглянула на сестру: стоит ли начинать разговор или лучше дать ей отдышаться? Вера закрыла глаза и тяжело вздохнула.

Даже самой себе Вера Борисовна Шварц не была готова признаться, что причиной ее дурного настроения было вовсе не легкое недомогание, вызванное качкой, а вся та роскошь, которая окружала ее на яхте «Мария» с самого начала морского путешествия. И дело даже не в самой роскоши. Веру Борисовну не пронять инкрустированными столами и стенами кают, обшитыми красным деревом. Эта роскошь была для нее крушением устоев и нарушением всех правил, сложившихся шесть десятилетий назад.

С раннего детства Вера привыкла быть старшей сестрой для своей старшей сестры. Уже в семь лет она диктовала одиннадцатилетней Маше условия проживания в совместной комнате, а иногда и поколачивала ее в борьбе за какую-нибудь книжку или игру. Маша была вовсе не слабой, скорее безынициативной. Она не любила и не считала нужным воевать, сражаться,

¹⁰ Планшир фальшборта – деревянные или металлические перила в верхней части фальшборта судна. Фальшборт – ограждение по краям наружной палубы.

вступать в спор или отстаивать права. Ей было проще уступить, пойти на поводу и вверить свою судьбу в руки других людей, а уж родной сестры и подавно. С детства все привыкли к тому, что Вера ведущая, а Маша – ведомая. Вера – боевая, Маша – робкая. Вера сама кует свое счастье, а Маша надеется на других. А значит, как утверждала советская идеология, Вера добьется успеха, а Маше этого успеха не видать. Жизнь двух сестер полностью подтверждала идеологические установки коммунистической партии. Вера лучше училась в школе. Соученики избрали ее сначала звеньевой, затем старостой класса, а в девятом классе – председателем совета школы. Вера с первой попытки поступила в институт иностранных языков. Маше для поступления в медицинский понадобилось три попытки. Удачное замужество Веры и развод Маши только подтвердили теорию об успешности младшей сестры и неблагополучии старшей. Рождение детей не изменило привычную картину. Дана была здоровым ребенком, в отличие от слабого и болезненного Миши. В Израиле Вера принимала семью старшей сестры, которая репатриировалась на три года позже. Конечно, это были недели хлопот и расходов. Пришлось побегать вместе с Машей и Леной по инстанциям. Регистрация, открытие счета в банке, получение документов, хлопоты с покупкой мебели и электротоваров для съемной квартиры. Но все это было не важно. Главным для Веры было ее внутреннее спокойствие. Все идет правильно. Все развивается так, как и должно. Она опекает старшую сестру и ее семью. Ее Генрих помогает Лене поменять советские водительские права на местные, а Дана вводит Мишу в школьную действительность.

Неожиданный финансовый успех Лени и Миши поколебали уверенность Веры в правильности проверенных временем идеологических установок. Сделка с американским гигантом, о которой писали все газеты страны и в результате которой Маша стала матерью мультимиллионера и женой миллионера, забила последний гвоздь в крышку гроба, в котором были похоронены представления о том, как все устроено в этом мире. Вера старалась не думать об успехе сестры, утешала себя мыслью, что и у нее все хорошо. Генрих получает прекрасную зарплату, которая позволяет им жить не просто безбедно, а ощущать себя состоятельными людьми. Дана успешный адвокат. У нее прекрасная дочь и муж с положением. Шутка ли сказать – офицер полиции! Со временем Вера не то чтобы смирилась с успехами членов семьи Маши, но перестала думать о них. Путешествие на яхте, которая принадлежала Мише, его невеста с княжеским титулом и бабушка с виллой на Крите обновили ощущения Веры Борисовны, и мысль, почему, по какому праву и по какому такому закону вся эта роскошь досталась безынициативной Маше, вновь начала терзать ее душу.

Вера еще раз тяжело вздохнула и открыла глаза. Маша коснулась руки сестры прохладными пальцами.

– Тебе лучше?

– Да. – Вера вздохнула, поежилась и натянула теплый плед на плечи. – Все в порядке.

– Как тебе эта Лукреция? – наконец Маша добралась до интересующей ее темы.

– Очень симпатичная, – улыбнулась Вера.

Для себя с первых минут знакомства она определила Лукрецию как избалованную самолюбивую эгоистку, но решила проявить максимальную доброжелательность к сестре.

– Выглядит моложе своих лет. – Вера Борисовна, глядя на Машу, перечисляла достоинства молодой княжны. – И фигура отличная. По-моему, хорошо относится к Мише.

– Правда? – обрадовалась Маша. – Мне тоже так показалось. Они так мило общаются. Она называет его Мики, а он ее – Луки. Знаешь, сначала, когда я узнала о ее титуле, я немного испугалась. Подумала, будет у меня невестка эдакая напыщенная фря. А она ничего. Даже не скажешь, что княгиня из древнего рода.

– В отличие от ее бабки. – Вера оглянулась по сторонам, не слышит ли кто-нибудь. – Вот уж отвратительная особа. Заносчивая. Ты видела, как она обращается с горничными на своей вилле?

– Да, – согласилась Маша. – К счастью, она вернется на свою виллу и к жизни молодых не будет иметь никакого отношения.

Из-за поворота появились Генрих Шварц и Леонид Славин. Они шли плечо к плечу и о чем-то горячо спорили. Не сговариваясь, сестры замолчали, пытаясь услышать, о чем говорят мужчины. Легкий порыв ветерка донес до них слова Леонида Славина: «Но они обязаны. Они же коалиционные партнеры». Вера взглянула на Машу и состроила потешную гримасу.

– Политика! – прошептала она.

– О чем они еще могут говорить? – улыбнулась Маша.

Славин и Шварц подошли ближе.

– Вы решили составить компанию своим женам? – кокетливо прищурилась Вера.

Генрих Шварц погладил жену по плечу.

– Мы решили прогуляться после завтрака, – сказал он. – Сделаем несколько кругов по палубе, а потом присоединимся к вам.

– Так что у вас есть еще минут десять-пятнадцать, чтобы посплетничать, – добавил Леонид Славин.

Мужчины прошли мимо смотровой площадки, продолжая свой спор. Вера проводила их взглядом и повернулась к сестре.

– А где живут родители этой Лукреции?

– В Риме, – быстро ответила Маша. – У них там большой дом за городом.

– И чем они занимаются?

– Насколько я знаю, мать Лукреции фармацевт. У нее сеть своих аптек. В Риме, Милане и Флоренции. А отец – политик. Член какой-то партии. По-моему, даже депутат парламента. – Маша выдержала паузу и добавила: – Вполне приличная семья.

Вера улыбнулась. Бедная Машенька. Она до сих пор не может поверить во все то счастье, которое ей привалило.

На палубе появилась еще одна пара. Стройный молодой человек в джинсовой куртке обнимал за плечо симпатичную высокую брюнетку в широком цветастом платье, скрывавшем ее фигуру. Вера покосилась на Машу.

– Это, насколько я поняла, помощник Миши?

– Да, – кивнула Маша, не сводя глаз с приближающихся молодых людей. – Его зовут Тамир, а ее – Лея. Она тоже работает в Мишиной компании. Бухгалтером. Их фамилия, по-моему, Вальд.

– У нас в Одессе был доктор Вальд, – шепнула Вера. – Помнишь?

– Конечно, помню, – улыбнулась Маша. – Как я его ненавидела за то, что он прописывал мне касторку!

Молодые люди подошли ближе. В руке у девушки была объемная книга.

– Здравствуйте, госпожа Славина. – Тамир поклонился Маше и взглянул на Веру. – Здравствуйте!

Вера ответила на приветствие.

– Это моя родная сестра, – представила ее Маша. – Вера.

– Очень приятно. – Тамир улыбнулся открытой, чуть виноватой улыбкой и легко подтолкнул вперед девушку. – А это моя жена Лея.

– Доброе утро! – тихо произнесла девушка. – Я не помешаю вам, если займу один из этих шезлонгов?

– Ну что вы! – воскликнула Вера и оглядела ряды пустых лежаков. – Здесь места всем хватит. Прощу вас, Лея.

– Спасибо.

Девушка опустила на крайний в ряду шезлонг и развернула на коленях книгу. Вера покосилась на обложку. «Иммензее» Теодора Шторма. Она перевела взгляд на Машу и выпя-

тила вперед нижнюю губу. Вот, дескать, какие книги читает нынешняя молодежь. Тамир помог жене устроиться на шезлонге поудобнее и сел рядом.

– Отдыхай, – шепнул он.

– Спасибо, милый, – кивнула Лея и, заметив мелькнувшую во взгляде Тамира печаль, спросила: – Не хочешь играть?

Тамир пожал плечами, бросил короткий взгляд на Веру и Машу, не слышат ли они. Но сестры уже отвернулись от молодых людей и вернулись к своей беседе. Тамир кивнул:

– Честно говоря, не очень. Я бы с удовольствием поваялся на шезлонге. Рядом с тобой.

– Так откажись, – дернула плечиком Лея. – В конце концов, ты не обязан выполнять все его прихоти.

Тамир закусил губу.

– Вообще-то, я на работе, – улыбнулся он прежней грустной улыбкой. – И за эти дни мне начисляется зарплата.

– Они могут сыграть втроем, – Лея кивнула куда-то в сторону носа яхты.

– Могут, – согласился Тамир. – Но босс не любит играть втроем.

Он нагнулся к жене, поцеловал ее в щеку, развернул плед и накрыл ей ноги.

– Спасибо, – Лея послала мужу воздушный поцелуй и взяла книгу.

Тамир бросил на жену прощальный взгляд и пошел по палубе в сторону библиотеки. Лея задумчиво смотрела ему вслед. Бедный Тамир. Сколько ему еще выполнять все прихоти своего вздорного босса? Правда, те деньги, которые он получает, могут компенсировать многие неудобства. Но вечно так продолжаться не может. Еще год-два, ну пусть три. Тамиру исполнится тридцать, и ему придется принимать решение. Остаться ли в своем зависимом положении или отправляться в самостоятельное плавание на поиски собственной удачи. Конечно, принимать такое решение Тамир будет вместе с ней. И она посоветует ему начать свое дело. Зависимость от капризного миллионера допустима в молодом возрасте. Потом человек должен становиться самостоятельным.

Лея вздохнула, раскрыла книгу на заложенной странице. Она собиралась до прибытия в Израиль прочесть как минимум половину книги. Подруги говорили об «Иммензее» как о «великой книге о любви, которую должны прочесть все интеллигентные люди». Лея хотела соответствовать статусу «интеллигентного человека» и потому купила книгу с твердым намерением прочесть. Но история любви Рейнхарда и Элизабет с самого начала показалась ей слащавой и неестественной. Конечно, это XIX век. Конечно, тогда все было по-другому. Но неужели этому глупцу Рейнхарду непонятно, что мужчина должен быть мужчиной. А женщине, кроме придуманных романтических сказок и слезливых писем, нужны страсть и твердая мужская рука. Женщина всегда чувствует, кто перед ней – самец, который подчинит ее своей воле, или тьюфак, жизнь с которым превратится в вечное мучение. Появление в сюжете романа соперника Рейнхарда, Эриха, Лея восприняла с воодушевлением. Наконец появился настоящий мужчина, который поставит точку во всем этом слезливо-медовом любовном мареве. Лея не сомневалась, что именно ему отдаст руку красавица Элизабет. Хотя... Откуда у нее такая уверенность? Она же в свое время выбрала в спутники жизни нерешительного и мечтательного Тамира, а не какого-нибудь героя. Лея покосилась на соседок. Две старушки трещали как сороки на своем непонятном языке. Интересно, о чем они болтают? Наверняка промывают кому-нибудь косточки. Скорее всего, этим итальянским княгиням. Надо будет и ей как-нибудь заняться русским языком. Лея вздохнула, поправила одеяло и погрузилась в чтение.

4

Когда Тамир вошел в библиотеку, преферансисты уже сидели за столом. Супруги Азулай расположились, по своему обыкновению, друг против друга. После завтрака они успели переодеться. Рахель сменила белый балахон на цветастое платье с узким лифом и широкой юбкой, Илан надел клетчатую тенниску и ежился, потому что кондиционер в библиотеке работал на полную мощность. Миша Орлов в легком голубом свитере тасовал колоду, ловко деля ее в воздухе на две части и пропуская карты между картами. Увидев молодого человека, он положил колоду на стол и сложил руки перед собой.

– А вот и наш Тамир. – Миша добродушно прищурился и указал рукой на свободный стул. – Садись и начнем. Мы уже раскидали на туза¹¹. Мне сдавать.

– Отлично! – Тамир сел на предложенный стул напротив Орлова, придвинул к себе карандаш и резинку.

Стол, за которым они сидели, был специально изготовлен для игры в преферанс. На его гладкой пластиковой поверхности было нарисовано несмываемыми чернилами классическое игровое поле. Две диагональные полосы делили все пространство стола на четыре части. В треугольнике, относящемся к каждому игроку, горизонтальными и вертикальными линиями были очерчены места для записи очков – положительных и отрицательных, так называемые пуля, гора и висты. Перед каждым игроком лежал остро отточенный карандаш для записи результатов.

Быстрыми привычными движениями Миша раздал карты. Две отложил в сторону, сложил руки перед собой и уставился на игроков, пытаясь по выражению их лиц понять, довольны ли они полученными картами.

Каждый из игроков развернул свои десять карт.

Илан Азулай был явно доволен увиденным. Его брови быстро поднялись на лоб и тут же опустились.

– Неплохо, – пробормотал он и быстрыми движениями разложил карты по мастям. – Очень даже неплохо.

Он обвел глазами других игроков, словно давая им время разобраться со своими картами. После этого он торжественно произнес:

– Пика.

Тамир бросил еще один взгляд на свои карты.

– Пас.

– Трефа.

Рахель Азулай с вызовом взглянула на мужа. Илан тяжело вздохнул, нахмурился, кашлянул и вновь развернул свои карты. На его широком лице с пухлыми губами ясно читалось сомнение. «Хорошо, что он играет не в покер, – улыбнулся Тамир. – Все его карты можно было видеть на его лице. Он явно собирался играть на пике». Миша Орлов перевел смеющийся взгляд с Рахель на Илана.

– Вот такие сюрпризы нам готовят жены, Илан.

– Да, – протянул Илан, явно колеблясь и не зная, какое решение принять. – Особенно еврейские жены. Они обожают ставить мужей в сложное положение.

– Илан! – не выдержала Рахель. – Ты сегодня просто помешался на национальных особенностях окружающих. Что с тобой?

¹¹ Раскидать на туза – способ для определения игрока, который будет раздавать карты первым. Карты из перетасованной колоды просто открываются одна за другой. Игрок, которому выпадет туз, и будет первым сдающим. Метод используется во многих карточных играх.

– Со мной... – Илан продолжал рассматривать карты. – Ничего. Все в порядке со мной. А помешательство – это тоже наша национальная черта.

Он свернул карты и тут же снова их развернул.

– Прими уже наконец какое-то решение, – рассердилась Рахель. – Такими темпами мы не закончим игру до завтра.

Илан наморщил лоб и одним движением свернул свои карты.

– Бубна, – с вызовом произнес он.

– Бубна здесь, – немедленно ответила Рахель.

– Черва.

Рахель улыбнулась и отправила мужу воздушный поцелуй.

– Пас.

Миша Орлов взял две лежащие перед ним карты и поднял глаза на Илана. Тот коротко кивнул.

– Открывай.

– Молись, Илан, – улыбнулся Миша. – Молись на меня.

Он перевернул две карты. Это были червовый валет и пиковая девятка. Увидев девятку, Азулай облегченно вздохнул.

– Спасибо, босс.

Он присоединил полученные карты к своим десяти, мгновение помедлил, выбрал две другие и положил их на стол перед собой.

– Семь пик, – торжественно провозгласил он.

«Так я и думал, что он будет играть на пиках», – подумал Тамир.

– Вист, – немедленно отозвался он.

– Пас, – пожала плечами Рахель.

– Насколько я понимаю ситуацию, разыгрывать не будем. – Миша Орлов с улыбкой смотрел на своего заместителя.

– Не будем.

Илан Азулай разложил перед собой десять карт.

– Шесть козырей и марьяж¹², – сказал он и добавил: – Ход мой. Семь взяток.

Тамир бросил короткий взгляд на лежащие на столе карты и взялся за карандаш.

– Согласен.

Игроки сбросили свои карты. Илан Азулай собрал их в колоду и принялся тасовать. Миша Орлов хлопнул себя по карманам, словно что-то искал.

– Я сдал тебе семерик, – сухо сказал он Илану. – Жду ответного подарка.

Илан кивнул, продолжая тасовать колоду. Миша привстал и похлопал по карманам широких белых штанов.

– Что ты потерял? – поинтересовалась Рахель.

– Трубку. – Миша махнул рукой и сел. – Не потерял, а забыл в каюте.

На его лице отразилась настолько явная досада, что Тамир Вальд не выдержал.

– Может быть, мне сходить за ней, босс?

Миша ответил не сразу.

– Я не помню, где она лежит. Или на столе, или где-то в секретере. – Он взглянул на Илана и Рахель. – Вы простите, друзья мои, если я вас покину на пару минут? Иначе никакого удовольствия от преферанса я не получу.

Илан положил перед собой перетасованную колоду.

– Сходи, конечно. Мы подождем.

Миша выбрался из-за стола и пошел к двери. На полпути он остановился и обернулся.

¹² Марьяж – дама и король одной масти. В преферансе и бридже рассматриваются как одна взятка для заказавшего игру.

– А может быть, я ее забыл в столовой?

Он взглянул на Тамира. Тот все понял с полуслова и вскочил с места.

– Я схожу в столовую.

Миша благодарно кивнул и вышел из библиотеки. Тамир отодвинул свой стул. Илан поежился, хлопнул себя по плечам руками крест-накрест и тоже поднялся.

– Тогда я схожу за свитером, – объявил он. – А то этот кондиционер когда-нибудь меня убьет.

– Может, проще попросить повысить температуру? – усмехнулся Тамир, уже направившийся к двери.

– Ну уж нет. – Илан грозно сдвинул брови. – Тогда меня убьет моя жена. Ей ведь всегда жарко.

Рахель улыбнулась мужу. Тамир перехватил ее взгляд, и ему показалось, что в нем мелькнула тревога. Илан кивнул жене, словно успокаивая ее, и догнал Тамира.

На несколько мгновений в просторной библиотеке, уставленной стеллажами с книгами и низкими столиками, установилась полная тишина. Оставшаяся в одиночестве Рахель машинально крутила в пальцах карандаш. Тишину нарушил кок Живко Тодоров, стоящий за барной стойкой в дальнем конце комнаты. Он звякнул бутылками и взял в руки сверкающий металлический шейкер.

– Сделать вам какой-нибудь коктейль, Рахель? – спросил он, ловко подбрасывая и ловя шейкер.

Рахель вежливо улыбнулась коку.

– Спасибо, Живко, но я ничего не хочу.

– Тогда, с вашего позволения, я отлучусь на четверть часа, – сказал Живко и протер руки бумажным полотенцем. – Помогу жене на камбузе. Если что-нибудь будет нужно, снимите трубку и наберите три тройки.

Он кивнул на телефонный аппарат, стоящий на стойке.

– Не беспокойтесь, Живко. – Рахель кивнула стюарду. – Если нам что-нибудь понадобится, мы с вами свяжемся.

Живко Тодоров пошел к выходу. У самой двери он обернулся. Рахель смотрела на него долгим немигающим взглядом.

5

Илан Азулай вернулся в библиотеку в клетчатом свитере. Он сел за стол, взял со стола свои карты и быстро разложил их по мастям.

– Где наши партнеры? – он поднял глаза на жену.

– Никто не появлялся. – Рахель пожала плечами. – Как дела?

– Дела? – удивился Илан. – Ты не знаешь, как мои дела?

– Я имею в виду твою размолвку с Мишей, – нахмурилась Рахель. – И ваш нелепый спор в бильярдной.

– Все нормально, – кивнул Илан. – С Мишей проблем не будет. Я все улажу. И как всегда в лучшем виде.

Рахель хотела что-то сказать, но в библиотеку вошел Живко Тодоров с бутылкой виски в руке. Он встал за барную стойку.

– Налить вам что-нибудь, Илан?

Азулай покачал головой.

– Спасибо, Живко, но преферанс требует чистого сознания и свежей головы. – Он кивнул на бутылку в руках кока. – Что это за виски? Не тот ли «Далмор», который Миша вчера купил в баре на Крите?

– Тот самый, – улыбнулся кок. – Господин Орлов сказал, что ему так понравился этот виски, что он купил весь наличный запас.

– Мы были свидетелями этой сделки. – Илан взглянул на Рахель. – Миша был в легком подпитии, и сначала бармен не воспринял всерьез его предложение купить весь наличный запас «Далмора». Но когда Миша достал из кармана пачку купюр, проблема была решена.

– Интересно, во сколько ему обошлись эти бутылки? – спросила Рахель.

Илан пожал плечами и уставился на кока. Живко ответил не сразу. Он вздохнул, кашлянул, словно желал подчеркнуть значимость ответа.

– По словам господина Орлова, каждая бутылка обошлась ему в пять тысяч долларов. – Живко уважительно покосился на бутылку и добавил в оправдание действий Миши: – Но возраст этого виски около пятидесяти лет.

– Пятьдесят лет, пять тысяч долларов. – Илан откинулся на спинку кресла. – Получается сто долларов за каждый год. Это немного. Как только мы закончим партию, прошу вас, Живко, налить мне двойную порцию этой старушки.

– Конечно, сэр. – Кок улыбнулся и коротко кивнул.

– Но где же все-таки наши партнеры? – Илан обернулся к Рахель. Та только собралась ответить, но не успела произнести ни слова. Дверь открылась, и в кают-компанию вошел Тамир Вальд. Не произнося ни слова, он сел за стол.

– А где Миша?

– До сих пор не вернулся, – ответил Илан. – Ты знаешь, сколько стоили бутылки с виски, которые Миша купил в ночном клубе в Иерапетре?¹³

– Сколько? – Тамир оторвался от карт.

– По пять тысяч долларов за бутылку.

Тамир равнодушно пожал плечами, сложил карты и положил их на стол.

– Шеф может себе это позволить.

– Тем более когда рядом твой будущий родственник – князь Джованни Колонна, которому надо пустить пыль в глаза, – презрительно скривилась Рахель.

Тамир покосился на женщину неприязненным взглядом.

¹³ Иерапетра – город на острове Крит.

– Что-то босс долго берет свою трубку, – сказал он.

– У него молодая невеста, – улыбнулся Илан.

– Ты полагаешь, что они... – Рахель соединила указательные пальцы правой и левой руки и бросила горячий взгляд на супруга. – Тогда нам придется ждать долго.

Но Илан не поддержал озорной настрой жены.

– Я не об этом. Просто она могла его задержать. О чем-то спросила. Или попросила. Согласись, им есть что обсудить.

Рахель пожала плечами. Илан достал мобильный телефон и набрал номер. В трубке загудело, затем щелкнуло, и раздался женский голос:

– Слушаю.

– Лукреция, – сказал Илан. – Миша уже взял свою трубку?

Лукреция ответила не сразу.

– Это вы, Илан?

– Я. Так Миша взял свою трубку?

– Взял, – ответила Лукреция, и в ее голосе зазвучали тревожные нотки. – Уже давно. – Она помедлила еще мгновение и добавила: – Он что, еще не вернулся в библиотеку?

– Не вернулся, – ответил Илан. – Мы все здесь его ждем.

– А где же он? – выдохнула Лукреция.

Илан бросил беспокойный взгляд на жену и ничего не ответил.

– Илан!

В голосе Лукреции, который был слышен всем, явно звучали истерические нотки. Илан поспешил успокоить ее:

– Что вы, Лукреция, что вы?! Не стоит так переживать. Мало ли что могло задержать Мишу? Он мог встретить капитана. Или кого-то из пассажиров. Разговорились. Появились какие-то вопросы.

Илан покачал головой, вероятно услышав в своем голосе явную фальшь. Конечно, эту фальшь услышала и Лукреция.

– Да, конечно, – сказала она и отключила телефон.

Илан медленно перевел взгляд с жены на Тамира.

– Где же он?

Рахель пожала плечами.

– Ты же сам сказал, он мог встретить капитана...

– Какого капитана? – огрызнулся Илан. – Миша знает, что мы его ждем.

– Может быть, возникли какие-нибудь срочные, неотложные вопросы, – нерешительно проговорила Рахель.

Илан пожал плечами, поднялся из-за стола, подошел к двери и распахнул ее резким движением. Никого.

– Его нет, – констатировал он.

Тамир тоже подошел к двери и выглянул на палубу.

– Он придет! – выпалила Рахель, но в ее голосе вместо уверенности зазвучал тревожный набат.

В воздухе библиотеки повисло напряжение. Илан взглянул на кока. Тот отставил в сторону бокалы, которые протирал, и тоже уставился на Илана.

– Может быть, сообщить капитану? – осторожно сказал Живко.

Илан мгновение помедлил, потом переглянулся с женой и вышел на палубу. Вслед за ним вышел и Тамир Вальд. Двое мужчин не сводили взгляда с трапа, ведущего на среднюю палубу.

– Что будем делать? – спросил Илан.

– Надо предупредить капитана, – решительно сказал Тамир.

Илан согласно мотнул головой.

– Пошли!

Но Илан не тронулся с места.

– А если Миша сейчас придет?

– Если Миша придет, мы извинимся перед капитаном за то, что подняли ложную тревогу, – четко проговаривая каждое слово, сказал Илан. – Пошли!

Покачиваясь от качки, Илан первым пошел к металлическому трапу, ведущему на верхнюю палубу. У самого трапа он остановился и обернулся к Тамиру.

– Ты идешь со мной или будешь ждать здесь?

– Я иду. Иду. – Тамир еще раз оглянулся по сторонам и, убедившись, что палуба пуста, пошел к трапу.

6

– Вы уже закончили политическую дискуссию?

Вера Шварц с улыбкой смотрела на мужа, остановившегося у шезлонгов после очередного круга по палубе.

– Закончили, – ответил Генрих и бросил взгляд на Леонида Славина, склонившегося над Машей.

– И что вы будете делать дальше?

– Сыграем партию в шахматы. У Леонида, между прочим, первый разряд. Мне интересно, как быстро он меня обыграет.

– Если обыграю, – засомневался Славин. – Я не играл тысячу лет. Уже забыл, как ходит конь.

– Отлично, – Генрих Шварц потер ладони. – Значит, у меня есть шанс. Сейчас принесу шахматы.

Он сделал шаг в сторону и остановился.

– Мои шахматы в чемодане? – спросил он.

– Нет, – ответила Вера. – Я положила их в ящик письменного стола.

– Хорошо. – Генрих пошел по палубе в сторону кормы.

– Я жду тебя здесь, – крикнул Славин и сел на свободный шезлонг рядом с женой.

Генрих быстро шел по палубе, остановился у дверей своей каюты и достал ключ. Открыл дверь, переступил порог и вошел в каюту. Повернулся, чтобы закрыть дверь, и вдруг что-то темное мелькнуло в воздухе и плюхнулось в море. Раздался легкий всплеск. «Кто-то что-то выбросил, – подумал Генрих. – Вероятно, огрызок яблока. Или косточку от персика. Вот она, наша интеллигенция. Зачем же в море? Есть ведь мусорный ящик. Некрасиво». Он закрыл дверь, подошел к столу и достал из ящика шахматную доску.

7

Капитан яхты «Мария» Колдер Рид склонился над магнитным компасом, установленным в ходовой рубке яхты рядом со штурвалом. Несколько секунд он рассматривал стрелку, затем выпрямился во весь свой шестифутовый рост¹⁴ и кивнул стоящему перед ним мотористу.

– Спасибо вам, Логан. Вы просто молодец!

Он еще раз пригляделся к стрелке компаса.

– Отклонение на север почти три с половиной градуса. Хороши были бы мы через четыре с половиной часа, когда вместо Ашдода увидели бы на горизонте Хайфу, а может быть, и Южный Ливан. – Капитан отошел к столу и взялся за мышку главного судового компьютера. – Что происходит с нашей навигационной системой?

Моторист Логан Давенпорт зарделся и едва сдержал улыбку. Похвала капитана была ему явно приятна. И он понимал, что вполне ее заслужил. Именно он заметил расхождение между курсом, который прокладывает для яхты электронная навигационная система, и показаниями магнитного компаса.

– Не могу знать, сэр, – ответил он на вопрос капитана о навигационной системе. – Но вчера все было нормально. Сразу после выхода с Крита, когда мы закончили лавировать между островами, я по просьбе мистера Жервиля проверил правильность курса.

– Значит, сбой произошел ночью. Или рано утром, – задумчиво, скорее самому себе, сказал капитан, не сводя глаз с экрана компьютера. – С чем же он связан?

– Возможно, радиопомехи, – предположил Логан Давенпорт. – Как известно, около Кипра начинается полоса радиопомех. А мы прошли всего в двадцати милях от берега.

– Да, это возможно, – кивнул капитан. – Радиопомехи могли повлиять на систему. В любом случае, я перегружаю главный компьютер. Будем надеяться, что система навигации восстановится. Но до прихода в Ашдод прошу вас ориентироваться только на компас.

– Слушаюсь, сэр, – кивнул Давенпорт.

Капитан щелкнул клавишей мышки. Какое счастье, что он не отказался от старого и проверенного магнитного компаса, не послушал всех этих очкастых умников, которые устанавливали на «Марии» новое оборудование. «Что вы, мистер Рид, зачем вам это старье? Кто пользуется магнитным компасом, когда на судне установлена новейшая электроника?» Вот она, новейшая электроника. Не обрати Логан Давенпорт внимания на компас, эта электроника, как негодяй Негоро¹⁵, завела бы яхту черт знает куда. Навигационные системы – это, конечно, прекрасно. Легко и удобно. Взглянул на экран компьютера и видишь курс. Ничего не надо прокладывать, отмерять углы, проверять девиацию¹⁶. Но до чего же все это ненадежно. И главное, не с кого спросить за ошибку...

Капитан яхты «Мария» Колдер Рид был убежденным консерватором, уверенным, что самые современные компьютеры и мобильные телефоны не заменят бумажные карты и старые, проверенные сотнями боев и годами походов приборы навигации и связи. Настоящий морской волк, Колдер Рид родился в Канзас-сити и с раннего детства грезил морем. Родители видели своего мальчика врачом или юристом и его увлечения, странного для жителя города, равноудаленного от всех океанов, не разделяли. Когда Колдеру исполнилось тринадцать лет, он сбежал из дома, решив стать слушателем подготовительного отделения Военно-морской ака-

¹⁴ Шесть футов – около 1 метра 82 сантиметров.

¹⁵ Негоро – персонаж романа Жюль Верн «Пятнадцатилетний капитан». Он подложил топор под магнитный компас шхуны «Пилигрим», изменил тем самым курс судна и направил его в Африку вместо Америки.

¹⁶ Девиация (магнитная девиация) – ошибка показаний магнитного компаса, вызванная наличием рядом с ним крупных металлических предметов (в том числе корпуса судна), электрических кабелей, электронных приборов, источников магнитных полей и блуждающих токов.

демии. Ему удалось самостоятельно, пересаживаясь с автобуса на автобус, преодолеть почти полторы тысячи километров и добраться до Харлингена¹⁷, но при попытке подать документы его задержали и отправили домой. После этого демарша родители сдались и через год сами привезли грезящего морем мальчика в интернат. Там он провел четыре года, заслужил славу лучшего курсанта и был зачислен на первый курс Военно-морской академии в Аннаполисе по квоте «выдающихся умов» даже без обязательной рекомендации члена Конгресса США. После окончания курса в академии Колдер был назначен младшим офицером на крейсер «Monterey» и уже через год принял участие в операции «Буря в пустыне»¹⁸. После этого начался его карьерный взлет. К моменту выхода в отставку Колдер Рид был первым заместителем капитана и начальником оперативного штаба авианосца «Carl Vinson».

Став пенсионером, Колдер загрузил. Он жил с женой Мэри в маленьком городке Бремертон, рядом с военно-морской базой «Китсап», на которой прослужил последние двадцать лет. Двое сыновей, решивших пойти по стопам отца, учились в Военно-морской академии и к родителям выбирались пару раз в год на каникулы. Теперь, просыпаясь утром, он не спешил сделать зарядку, надеть отутюженную форму и лихо сбежать в гараж к машине. Да и Мэри не торопилась сменить ночную рубашку на домашнее платье, привести себя в порядок и приготовить мужу завтрак. Глядя в окно на узкую улицу, освещенную солнцем летом и занесенную снегом зимой, на соседский участок, по которому бродили две грустные собаки, на почерневшую стену общественного склада металлоизделий, Колдер думал: «Неужели это все, что мне осталось от жизни? От океанского простора. От ветра на палубе и мириад соленых брызг». Не спасла ситуации и предложенная ему должность в учебном центре ВМФ. Колдер Рид не хотел никого учить навигации и основам судовождения. Он хотел в море. Как-то ему в руки попал экземпляр газеты «Яхтенный рулевой», которую издавала Всеамериканская ассоциация развития яхтенного туризма и спорта. Там и прочел Колдер Рид с десятков объявлений о поисках коммерческими компаниями и частными лицами капитанов, боцманов, шкиперов, матросов и рулевых. Позвонив по первому же объявлению, Колдер получил весьма привлекательное предложение от человека, говорившего по-английски с чудовищным русским акцентом. Уже через неделю Колдер летел в Израиль, навстречу тому, что Мэри называла «безумной авантюрой». Жену пугало все. И перспектива жизни в Израиле, и то, что ее муж попадет в полную зависимость, граничащую с рабством, от какого-то миллионера, который, скорее всего, окажется заносчивым глупцом с замашками диктатора. «Что за ерунда?» – отмахивался Колдер. О какой «полной зависимости, граничащей с рабством» может идти речь? Он получает хорошую пенсию и не нуждается в деньгах. Если новая работа не будет приносить ему удовольствие, он просто все бросит и вернется в свой тихий Бремертон.

В Тель-Авиве Колдер Рид, настроенный женой и собственными мыслями о полной зависимости и рабстве, категорически отказался вести переговоры об условиях работы на «чужой территории», а именно на вилле владельца яхты. Он потребовал перенести их в лобби тель-авивской гостиницы «Дан», в которой поселились они с Мэри. На переговорах он поставил жесткие условия. Он сам набирает экипаж, сам переоборудует яхту и сам устанавливает на ней порядки, которые мало чем будут отличаться от порядков на военном корабле. К его удивлению, владелец яхты, представившийся странным именем Миша, согласился со всеми условиями и даже вроде бы был вполне доволен решительностью капитана. Яхта «Мария» тоже понравилась Колдеру. Не авианосец «Carl Vinson», конечно. Но вполне приличное судно. Сто пять метров в длину, устойчива к волне и скорость развивает вполне недурную. Если, конечно,

¹⁷ Харлингген – город в штате Техас (США). Здесь расположено подготовительное отделение Военно-морской академии США.

¹⁸ «Буря в пустыне» – название военной операции по освобождению Кувейта от оккупационных войск Ирака, проведенной в 1991 году международной коалицией под руководством США.

как следует отладить двигатель. Но об этом он позаботится. Выпишет из Бремертона грамотного моториста. И боцмана подберет из своих. И рулевого.

С тех пор прошло пять лет. Колдер и Мэри привыкли к Израилю. К людям, выражающим свои эмоции шумно и напористо, к периодическим обострениям политической ситуации, которые нередко заканчивались воздушными тревогами. Привыкли даже к изнуряющей и удушьяющей жаре, затягивающейся на сентябрь и половину октября. С Мишей Орловым у Колдера Рида установились хорошие деловые отношения. Миша не только регулярно платил зарплату, но и помогал в решении мелких бытовых проблем. Колдер и Мэри часто были гостями в его большом доме в приморской Герцлии. Там они отмечали праздники, о существовании которых и не знали, живя в США. Ели мацу в Песах¹⁹ и ужинали в шалаше, построенном на поляне перед домом в Суккот²⁰. Встречали в начале осени наступление Нового года по еврейскому календарю. Миша не был религиозным человеком, но традиции иудаизма чтит. Приглашал на праздничные трапезы раввина, который рассказывал о сути праздника и каждого его символа. Яхтенные путешествия Колдера Рида ограничивались Средиземным морем, но он знал о желании Миши совершить переход через Атлантический океан до Нью-Йорка и всячески это стремление поддерживал. Путешествие назначили на следующее лето, и Колдер уже работал не покладая рук, чтобы подготовить «Марию» к долгому плаванью.

...Экран компьютера вновь засветился голубым светом. Система перегружалась, но Колдер Рид так это дело не оставит. В Израиле вызовет специалистов и попросит проверить все как следует. Не хватало ему остаться без электронной поддержки где-нибудь в центре Атлантики.

Он сделал шаг к двери и увидел, как по трапу поднимаются Илан Азулай и Тамир Вальд. По угрюмому выражению их лиц и по тому, как они спешили, переступая сразу через две металлические ступени и подтягиваясь на руках, он понял: что-то случилось.

Илан и Тамир вошли в рубку. Капитан шагнул им навстречу.

– Миша пропал, – выпалил Илан.

Колдер поднял глаза на Тамира. Тот кивнул. Капитан перевел взгляд на Илана. Они иногда встречались в доме у Миши за праздничным столом. Капитан Рид недолюбливал этого седовласого крепыша, считал его слишком самоуверенным и шумным.

– Что значит пропал? – спросил капитан.

– Мы сели играть в преферанс, – начал Илан.

– Как обычно, в библиотеке, – добавил Тамир.

Илан нетерпеливо отмахнулся, дескать, не перебивай.

– Только начали играть, Миша вспомнил, что забыл в каюте свою трубку, и пошел за ней. И не вернулся. Я позвонил Лукреции, она сказала, что Миша зашел, взял трубку и сразу вышел. Но в библиотеку не вернулся. Хотя прошло уже минут пятнадцать.

– Вы его искали? – Тон капитана был спокойным и даже равнодушным. Он не испытывал никакого беспокойства. Скорее всего, тревога ложная. Мало ли где мог задержаться владелец яхты.

– Нет, – махнул головой Илан.

– Может быть, он зашел к кому-нибудь в каюту и заговорился?

Илан пожал плечами и переглянулся с Тамиром.

– Вообще-то, он знает, что мы его ждем.

¹⁹ Песах – один из трех праздников, установленных Торой в честь выхода евреев из египетского рабства. Отмечается весной (месяц нисан по иудейскому календарю) в течение семи дней. Во время праздника запрещено употребление хлеба и других продуктов из зерновых, подвергшихся закваске. Вместо хлеба едят мацу.

²⁰ Суккот – один из трех праздников, установленных Торой в честь выхода евреев из египетского рабства. Отмечается осенью (месяц тишрей по иудейскому календарю) в течение семи дней. Во время праздника строят шатры или шалаша (сукка), в которых принимают пищу в память о скитании евреев по пустыне.

Капитан еще раз взглянул на двух стоящих перед ним мужчин, снял трубку с телефонного аппарата, висевшего на стене рубки, и набрал короткий номер.

– Господин Жервиль, – сказал он, дождавшись ответа. – Поднимитесь, пожалуйста, в рубку... Да, немедленно... Спасибо.

Капитан повесил трубку.

– Сейчас мой помощник сменит меня на вахте, и мы спустимся в библиотеку.

Капитан мгновение помедлил, словно пытался понять, куда мог деться владелец яхты, потом поправил на шее белый шарф, застегнул китель и обернулся к Илану и Тамиру.

– Прошу за мной, господа!

Они вышли из рубки и остановились. По узкому трапу, тяжело дыша, поднималась Лукреция. Увидев троих мужчин, она замерла на несколько ступеней ниже их.

– Где он? – тяжело дыша, выкрикнула Лукреция.

– Не знаю, Лукреция. – Капитан сбежал по трапу ей навстречу. – Но вы не должны волноваться. Мы найдем мистера Орлова. Вероятно, он где-то задержался. Может быть, зашел к родителям.

– Его родители сидят на палубе и ни о чем не подозревают, – выпалила Лукреция. – Я видела их по дороге в библиотеку.

– Вы были в библиотеке? – встревожился Илан.

– Да, я вышла, как только вы мне позвонили, – кивнула Лукреция. – Я пошла в библиотеку, но там были лишь Рахель и кок. На палубе сидят мать Миши со своей сестрой. Там с ними и... – Она подняла глаза на Тамира. – Ваша супруга. Но Миши нет.

В глазах Лукреции сверкнули слезы.

– Ну что вы, Лукреция, – капитан сделал движение, будто хотел взять ее за руку, но сдержался. – Я уверен, что с Мишей не могло случиться ничего плохого. Сейчас мы его найдем и вместе посмеемся над этим нелепым происшествием.

По трапу, крепко обхватывая железные поручни длинными пальцами, поднимался Оливер Жервиль. Он был в брезентовой рабочей куртке и таких же брюках. Капитан молча кивнул своему помощнику.

– Смените меня на вахте, Оливер. Простите за эту просьбу. Я знаю, что вы несли вахту ночью и должны выспаться, но мне срочно нужно спуститься в библиотеку.

Оливер Жервиль провел ладонью по черным, аккуратно зачесанным назад волосам.

– У нас что-то случилось, сэр? – Голос Жервиля дрогнул, а взгляд, направленный на капитана, стал напряженным.

– Надеюсь, ничего серьезного. – Капитан незаметно показал глазами на Лукрецию и добавил вполголоса: – Мы не можем найти мистера Орлова.

– Найти мистера Орлова? – машинально повторил Оливер Жервиль и взглянул на Илана и Тамира.

– Он должен был прийти в библиотеку, но не пришел, – сказал Илан.

– Я буду на вахте столько, сколько нужно, сэр, – твердо сказал Жервиль.

– Благодарю вас, Оливер, – кивнул капитан.

Оливер Жервиль осторожно обошел Лукрецию и побежал вверх по трапу.

Капитан взглянул ему вслед.

– Оливер!

Жервиль остановился и обернулся.

– Свяжитесь с боцманом и передайте мой приказ. Свистать всех наверх. В течение пяти минут вся команда должна собраться в библиотеке.

Оливер Жервиль кивнул.

– Слушаюсь, господин капитан.

Капитан перевел взгляд с Илана на Тамира. Затем взглянул на Лукрецию.

– А вас я попрошу пройти со мной.

Он первым сбежал по трапу и широкими шагами пошел в сторону библиотеки. За ним спешили пассажиры. Илан на ходу шептал на ухо Лукреции что-то ободряющее. Она слушала, кивала головой и пожимала плечами, но по ее щекам текли слезы, которые она смахивала платочком.

8

В библиотеке за столиком для преферанса сидела Рахель Азулай и машинально раскладывала какой-то замысловатый пасьянс. Дверь распахнулась. Первым порог переступил капитан, за ним вошли Тамир, Лукреция и Илан. Рахель бросила тревожный взгляд на мужа, и тот легко качнул головой.

– Вы не нашли Мишу? – удивилась Рахель. – Где же он?

Капитан, не отвечая на вопрос, обвел взглядом стеллажи с книгами, столы и кресла.

– Здесь, как я понимаю, он тоже не появился?

Рахель, увидев плачущую Лукрецию, бросилась к ней.

– Моя милая, вы только не волнуйтесь. Ничего плохого произойти не могло. Это какое-то недоразумение.

Лукреция закусила губу, и из ее груди вырвались звуки рыданий.

– Где же он?

– Ну мало ли... – начала Рахель и осеклась, понимая, что вариантов исчезновения Миши на яхте, находящейся в открытом море, не так уж и много.

Илан Азулай бросил на супругу укоризненный взгляд. Рахель обняла Лукрецию.

– Я уверена, что все прояснится. И мы еще посмеемся вместе с Мишей над нашими страхами.

Лукреция прижала платочек к глазам и замотала головой.

Дверь библиотеки открылась, и на пороге появился боцман Арчер Перриш.

– Разрешите, сэр? – обратился он к капитану.

– Заходите, Арчи, – капитан призывно махнул рукой.

Он был знаком с Арчером Перришем еще с авианосца «Carl Vinson», где этот почти семифутовый²¹ добродушный гигант с широкими плечами и несокрушимой челюстью служил плотником. Он был, что называется, мастером на все руки, и без него было совершенно невозможно обойтись, если в походе что-нибудь ломалось – от кресла в каюте капитана до механизма управления гребным винтом и системы посадки истребителей. Арчер Перриш вышел в отставку за два года до Колдера Рида. Подбирая команду на яхту «Мария», капитан Рид даже не думал о другом боцмане, кроме Арчера Перриша, хотя опасался, что мягкость характера может помешать ему держать команду в страхе и повиновении. Вскоре после начала работы Колдер Рид понял, что его опасения были напрасны. Арчеру Перришу не надо было ни запугивать членов команды, ни угрожать им наказаниями. Его гигантский рост и чудовищная сила (он не раз демонстрировал свою способность ломать подковы и сгибать пятишекелевые монеты) действовали магически на членов команды. Ни у кого из подчиненных даже не возникало мысли оспорить приказы боцмана или не подчиниться им.

Арчер Перриш наклонил голову и вошел в библиотеку.

– Помощник Жервиль передал мне ваш приказ собрать команду в библиотеке, – пробасил он. – Я приказал всем немедленно идти сюда.

– Спасибо, Арчи, – кивнул капитан.

Боцман покосился на капитана, кашлянул и добавил:

– Оливер сказал, что пропал мистер Орлов.

Капитан покачал головой и показал глазами на плачущую Лукрецию. Гигант осекся и виновато засопел.

Дверь библиотеки открылась, и вошел судовой врач Авраам Теппер. Сразу следом за ним – моторист Логан Давенпорт.

²¹ Семь футов – около 2 метров и 10 сантиметров.

– Как там дела? – спросил капитан. Давенпорт сразу сообразил, что капитан имеет в виду судовой компьютер.

– Все нормально, сэр. Навигация работает исправно. Мы с господином Жервилем все проверили. Думаю, это действительно радиопомехи.

– Надо отладить систему, чтобы на нее не влияли помехи. В Израиле попрошу вас, Логан, – он перевел взгляд на боцмана, – и господина Перриша заняться этим.

В библиотеку вошли кок Живко Тодоров и его супруга Рада. У обоих из-под рабочих брезентовых курток торчали белые халаты.

– Господин капитан, – кок заговорил с порога, и в его голосе звучала тревога. – Мы уже начали готовить обед. Кастрюли стоят на огне. Но нам приказали явиться и...

Капитан отреагировал мгновенно.

– Вы можете идти, Рада. – Он кивнул женщине и поднял глаза на мужчину. – А вы, Живко, поможете нам.

– Конечно. – Кок облегченно вздохнул. – В камбузе Рада справится сама.

Последним в кают-компании появился тренер Виктор Мильман.

– Извините, – обратился он к капитану. – Но синьор Колонна никак меня не отпускал. Требовал доиграть подачу.

Капитан ничего не ответил и поднял глаза на боцмана. Подчиняясь его взгляду, Арчер Перриш закрыл дверь в библиотеку.

– Господа! – Капитан обвел взглядом членов команды. – Мистер Орлов примерно двадцать минут назад вышел из библиотеки и исчез. Сейчас боцман распределит вас по палубам. Я прошу осмотреть все помещения на всех палубах и в трюме, включая подсобные. Осмотру подлежат все салоны и все каюты, независимо от того, кто в них живет. Осмотреть самым внимательным образом, обращая внимание на любые мелочи, которые могут внести ясность в исчезновение мистера Орлова. На весь осмотр я даю вам... – капитан взглянул на часы, – пятнадцать минут. Если за это время мистер Орлов не будет найден, я разверну яхту и верну ее в точку, в которой он пропал.

Капитан выдержал паузу и кивнул боцману:

– Начинайте, Арчи.

Боцман обвел членов команды тяжелым взглядом, достал из внутреннего кармана синего мундира свернутый вчетверо план яхты и разложил его на столе.

9

В три часа в дом Лейнов в Моца-Иллит приехала подруга Алины Дина. Четыре стола уже стояли на траве, накрытые белыми скатертями и полностью сервированные. Хельмут с помощью трех мужчин в форменных рубашках поднимал на жаровню двух ягнят, насаженных на вертел. Острый конец вертела никак не входил в специальный вырез, позволявший ему свободно вращаться. Габриэль поспешил на помощь, поддержал тяжелый вертел и помог его устанавить. Дана наблюдала за операцией «Ягнята» с легкой улыбкой. Ее явно развлекала развернутая Старым Хельмутом грандиозная подготовка к торжеству.

Алина встретила подругу на поляне у ворот. Девочки устроились в креслах у самого дома.

– Мои родители ехали в Тель-Авив, – сказала Дина, объясняя свой ранний приезд, – и по дороге забросили меня сюда. Иначе мне никак до вас не добраться.

– Ну и отлично, – отреагировала Алина. – Я уже свободна. Так что есть время поболтать.

– Я решила поступать в Хайфский университет. На следующей неделе поеду подавать документы, – сообщила Дина и взяла подругу за руку. – Поедешь со мной?

– Не поеду. – Алина улыбнулась, взглянула на проходящую мимо Дану и пояснила: – Не смогу. Мы с мамой уплываем в морское путешествие.

– В круиз?! – воскликнула Дина.

– Не совсем. – Лицо Алины стало загадочным. – Уплываем на яхте моего дяди.

– На яхте твоего дяди? – В голосе Дины появились завистливо-восторженные нотки. – Вот это здорово! И куда вы поплывете?

– В Италию, в Рим, – важно сказала Алина. – И, может быть, я научусь управлять яхтой. Это моя мечта.

Она взглянула на Дану, и та легко пожала плечами, словно говоря: все может быть, может, и научишься. Но проходящий мимо Старый Хельмут услышал слова правнучки.

– На этой яхте ты ничему не научишься, дорогая.

Алина подняла на Хельмута удивленный взгляд.

– Это судно и яхтой-то называть неправильно, – пояснил Хельмут. – Это настоящий корабль. Думаю, на нем нет ни парусов, ни мачты. И управлять им неинтересно. Включил двигатель – и корабль пошел. Рулевой стоит за штурвалом. Вот и все управление. А парусной яхтой управлять интересно.

– Ты умеешь управлять парусной яхтой, Хельмут? – Глаза Алины загорелись.

– Умею, – кивнул Хельмут. – Научился управлять, когда в сорок пятом году плыл из Германии в Южную Америку. Нас было на яхте всего шесть человек. И только один мог управлять парусами. Он и был нашим капитаном. А мне, как самому молодому, пришлось исполнять обязанности матроса. Пришлось всему научиться.

«Из Германии в Южную Америку, – вздохнула Дана. – Шесть человек на яхте. Значит, он все-таки бежал. Неужели мама права?» Дана взглянула на Хельмута, гладившего по голове Алину. Может ли быть этот добрый и преданный, заботливый и любящий своих близких Старый Хельмут военным преступником, бежавшим в январе сорок пятого года в Южную Америку от приближающегося возмездия? Она легко представляла себе Хельмута в военной форме или даже в черном мундире СС. Но никак не могла представить его пытающим пленных или отдающим приказы убивать женщин, детей и стариков. Она еще раз взглянула на Хельмута. Что же он делал с момента своего призыва в армию в сорок третьем году до января сорок пятого? Что? Почему он служил в Берлине? В сорок третьем году война была далеко от столицы рейха. Что же он делал в Берлине? Не на передовой? Не где-нибудь в окопах Белоруссии. Не на подступах к Вене. В Берлине. Значит, он действительно служил в гестапо. Или в центральном аппарате СС. «Ну почему сразу гестапо или СС? – убеждала себя Дана. – Разве мало

в военном городе должностей для восемнадцатилетнего парня? Интендант. Адъютант какого-нибудь тыловика-генерала. Пожарный, в конце концов». Но убедить себя не получалось. Проходящий мимо Габриэль заметил, как изменилось ее настроение.

– Что? – встревоженно спросил он. – Что-нибудь не так?

– Все так, – отмахнулась Дана. – Все нормально.

Когда-нибудь ей придется провести этот разговор. С Хельмутом. Или в крайнем случае с Габриэлем. Когда-нибудь ей придется прояснить ситуацию и поставить все точки над «і». Но не сегодня. Только не сегодня. Этот разговор может испортить не только настроение. Он может в корне изменить ее отношение к Старому Хельмуту. А сегодня допустить такое она не может. Она не станет портить Алине день ее восемнадцатилетия. «Как-нибудь потом, потом», – думала Дана, понимая, что она откладывает этот разговор на потом последние двадцать лет.

10

Первым заметил Мишу моторист Логан Давенпорт. Он стоял на верхней палубе, держался за поручни и внимательно вглядывался в морскую гладь, вода головой вправо и влево. Если он замечал что-нибудь необычное, поднимал к глазам бинокль, который висел у него на груди. Он уже трижды поднимал бинокль. Но в первый раз замеченный им предмет оказался пальмовой веткой. Во второй раз пенным следом, а в третий – каким-то непонятным цилиндром, который он идентифицировал как кусок пластика.

После того как члены команды не нашли Мишу Орлова ни в одном из помещений яхты, капитан приказал совершить разворот и отправиться в точку, в которой яхта «Мария» была полчаса назад. Боцман расставил членов команды по палубам и приказал смотреть в оба. Пассажиры присоединились к команде и тоже распределились по палубам. Все, кроме Маши Славиной, у которой от волнения начали отниматься ноги, и Веры Шварц, которая сидела рядом с сестрой в ее каюте и, держа за руку, уговаривала, что все в конце концов будет хорошо. Доктор Теппер дал Марии Борисовне капли и каждые несколько минут оставлял отведенное ему для наблюдения место на нижней палубе, чтобы зайти в каюту и проверить, как дела. Дела были не очень. Несмотря на попытки сестры успокоить Марию Борисовну, та лежала с закрытыми глазами, тяжело дышала и поминутно повторяла: «Это конец. Конец. Конец. Миши больше нет», – и мотала головой, когда сестра пыталась с ней спорить. Доктор переглядывался с Верой и выходил, осторожно прикрыв дверь.

Яхта самым медленным ходом двигалась по волнам. Небольшой ветер поднял легкое волнение, яхта раскачивалась от носа к корме, заставляя стоящих у бортов хвататься за поручни.

Логан Давенпорт в очередной раз заметил что-то необычное среди волн. Он поднял бинокль и поднес его к глазам. На этот раз это была не ветка и не пенный след. Он ясно рассмотрел бело-голубое пятно, которое то появлялось на поверхности моря, то уходило под воду. Логан помедлил несколько мгновений, вспомнил, что Миша был в голубом свитере и белых брюках, и крикнул:

– Человек за бортом!

Дверь ходовой рубки за его спиной распахнулась, и на палубе появился помощник капитана Оливер Жервиль.

– Где? – выкрикнул он.

Не отрывая глаз от бинокля, рулевой указал в сторону бело-голубого пятна. Помощник капитана вгляделся в направлении протянутой руки, охнул, на мгновение скрылся в рубке и тут же вышел, держа в руках бинокль.

– Да, это похоже на человека, – сказал он, поднеся бинокль к глазам, и бросился к консоли управления.

Быстрым движением Оливер Жервиль нажал на кнопку отключения двигателя, а затем на клавишу громкой связи. Над яхтой зазвучал его голос, усиленный динамиками:

– Человек за бортом. По курсу судна, десять градусов норд-вест. Прошу капитана яхты подняться в ходовую рубку.

Бело-голубое пятно заметили и на средней палубе. Боцман Арчер Перриш разглядел его с высоты своего роста и уже показывал на него капитану, прижавшему к глазам свой бинокль. Капитан бросился к трапу, ведущему наверх. Когда он добрался до ходовой рубки, яхта по широкому кругу поворачивала направо.

– Вы маневрируете, Оливер? – выпалил капитан, тяжело дыша после быстрого подъема по трапу.

– Так точно, сэр, – кивнул Жервиль. – Я отключил двигатель. Пока идем по инерции.

Он стоял у большого окна рубки, не сводил глаз с бело-голубого пятна и короткими движениями поворачивал штурвал, приближая к нему яхту. Капитан нажал на кнопку громкой связи.

– Боцман, приготовьте резиновую шлюпку по правому борту.

Боцман, стоящий на средней палубе, сделал знак тренеру Виктору Мильману, и они побежали на нижнюю палубу, где в специальном ящике на корме хранились две большие надувные шлюпки. Боцман открыл ящик. Вдвоем они не без труда вытащили одну шлюпку, больше похожую на толстую стопку мятой резины размером метр на метр. Боцман Перриш привычным движением достал из того же ящика два шланга, присоединил их к клапанам шлюпки и нажал какую-то кнопку. В шлангах зашумел воздух, шлюпка шевельнулась и начала разворачиваться.

Боцман бросился к фальшборту. Яхта уже была в нескольких десятках метров от бело-голубого пятна. Теперь боцман ясно видел, что это человек, качающийся на волнах лицом вниз. Он бросил быстрый взгляд на шлюпку, которая развернулась почти полностью. Круглые резиновые борта шлюпки наполнялись воздухом. Но боцман решил не ждать. Он сорвал со стены каюты спасательный круг, легко перешагнул через фальшборт и прыгнул в воду.

Держа спасательный круг за веревку, он в несколько гребков добрался до человека в воде, перевернул его на спину и, напрягая всю свою огромную силу, затащил верхнюю часть его тела на спасательный круг.

– Это Орлов? – крикнул сверху капитан Рид.

Боцман поднял голову, увидел капитана, перегнувшегося через планшир, и кивнул. Лицо боцмана скривилось, губы дрогнули, и по его щекам потекли слезы. Но никто из пассажиров и членов экипажа, наблюдавших за страшной сценой, этого не заметил. И только сам боцман ощущал, как на его щеках горячие слезы сливаются с ледяными каплями морской воды.

11

Можно ли описать ужас, царивший на яхте «Мария» следующие четверть часа?!

С кормы яхты спустили резиновую шлюпку, в которую подняли тело Миши Орлова и дрожащего от холода и возбуждения боцмана. Со шлюпки тело Миши осторожно перенесли через фальшборт и уложили на палубу. Здесь над ним склонился доктор Теппер, но уже через несколько мгновений поднял голову, взглянул на капитана и покачал головой. Миша Орлов был мертв.

Лукреция бросилась на тело человека, так и не ставшего ее мужем. Джованни Колонна и Илан Азулай подхватили ее с двух сторон, доктор Теппер заставил ее выпить успокоительные капли, и Лукреция билась в истерике в руках бабушки и брата. В следующее мгновение на палубе появилась Мария Славина. Тяжело опираясь на руку сестры, она шла вдоль борта и вдруг увидела тело Миши на палубе и рыдающую Лукрецию. Маша все поняла, издала нечленораздельный крик, бросилась к сыну и едва не упала, потащив за собой Веру Борисовну. К счастью, Леонид Славин подхватил ее, прижал к себе, но Маша рвалась из его объятий к телу сына, продолжая кричать что-то невнятное, выражающее отчаяние матери, увидевшей бездыханное тело сына. Пассажиры и команда яхты замерли в ужасе от этой сцены.

Единственным человеком, который сохранил способность действовать, был капитан Колдер Рид. Он шагнул к ближайшему телефону внутренней связи, снял трубку и набрал номер.

– Оливер, – вполголоса сказал он, когда на том конце провода ответили. – Курс на Ашдод. Полный вперед.

В следующее мгновение двигатели яхты взревели, и она начала разворачиваться на прежний курс.

Подчиняясь движению руки капитана, к нему подскочил кок Живко Тодоров.

– Освободите одну из холодильных камер, – распорядился капитан. – Мы разместим в ней тело господина Орлова.

В глазах кока мелькнул ужас. Он явно не одобрял это решение капитана, но возразить не посмел.

– Слушаюсь, сэр!

Капитан по тону Тодорова понял, какие чувства его обуревают.

– Мы будем в Израиле только через четыре часа. Тело господина Орлова надо сохранить для экспертов полиции.

Глаза Тодорова округлились.

– Сэр, вы полагаете... – Он замолчал, но, сделав усилие, продолжил: – Вы думаете, это убийство?

– Я не знаю, – капитан пожал плечами. – Но мне трудно представить, что господин Орлов сам упал за борт. У нас высокий фальшборт. Не было ни качки, ни сильного ветра. Волны не захлестывали палубу. И он был абсолютно трезв.

Тодоров опустил голову.

– Но если господина Орлова убили, то... – Кок тяжело вздохнул и поднял глаза на капитана. – То это сделал кто-то из тех, кто сейчас находится на яхте?

Капитан кивнул.

– Я не знаю, кто это сделал, Живко. Но я не могу исключить ни один вариант. Мы должны сделать все, чтобы полиция разобралась во всем. И потому освободите холодильную камеру.

– Слушаюсь, сэр! Мы переложим скоропортящиеся продукты во второй холодильник. А то, что не поместится...

– То, что не поместится, можете выбросить, Живко. Боюсь, нам продукты уже не понадобятся. Как и сегодняшний обед. Полагаю, что нашим пассажирам будет не до обеда.

Кок кивнул. К капитану подошел доктор Теппер.

– Я не смогу точно определить причину смерти господина Орлова, капитан. У меня нет ни инструментов, ни условий для проведения вскрытия.

– Это не нужно, – отрезал капитан. – Произведите только поверхностный осмотр, доктор. Мне нужно знать, нет ли на теле Миши следов насилия. Но детальное исследование оставьте экспертам полиции. Я немедленно свяжусь с берегом и попрошу, чтобы они встретили нас в порту.

– Слушаюсь, сэр. – Доктор Теппер кивнул, в его глазах сверкнули слезы. – Я лечу семью Орловых уже двадцать лет. И никогда не предполагал, что буду проводить такой осмотр.

– Я понимаю вас, доктор. Поторопитесь, пожалуйста, с осмотром. Я хочу, чтобы тело как можно скорее разместили в холодильной камере.

Капитан бросил взгляд на столпившихся у борта пассажиров и членов команды и побежал вверх по металлическому трапу. Через несколько секунд над яхтой разнесся его твердый голос:

– Дамы и господа, прошу всех разойтись по своим каютам. Мы взяли курс на Ашдог. Я отключаю на судне интернет и телефонную связь. Если кому-то понадобится сделать срочный звонок, обратитесь ко мне.

– Почему он отключает связь? – возмущенно шепнула Вера Шварц стоящему рядом мужу. – Я хотела позвонить Дане. Они будут нас ждать.

– Думаю, капитан подозревает, что Мишу убили, – ответил Генрих Шварц, обнимая жену.

– Что? – Вера Борисовна от неожиданности вцепилась в руку мужа. – Ты серьезно?

– Мне так кажется, – вздохнул Генрих. – Иначе зачем отключать интернет и мобильную связь?

– Это не несчастный случай? – Руки Веры Борисовны дрожали. – Это не случайность?

Несколько секунд она смотрела на мужа, затем тряхнула головой, словно прогоняя ощущение.

– Тогда тем более надо звонить Дане. Ее бывший может помочь с расследованием.

– Позвоним, – кивнул Генрих. – Я подойду к капитану. А ты займись Машей. Попытайся ее успокоить. Если это вообще возможно.

12

За час до назначенного времени сбора гостей в Моца-Иллит приехал младший брат Даны Борис. Он поздравил племянницу с днем рождения и вручил ей объемный пакет.

– Это книги, – торжественно провозгласил он. – Агнон, Оз, Шалев²². Это надо прочесть.

– Спасибо, дядя. – Алина приняла пакет и обняла Бориса. – Кое-что я уже читала.

Тот повернулся к Данае.

– Помнишь, мама все время говорила нам, что в СССР книга считалась лучшим подарком. Вот я и решил...

– Правильно решил. – Дана поцеловала брата и оглядела его с головы до ног. – Но по случаю дня рождения племянницы мог бы побриться, надеть костюм.

– Ты думаешь? – Борис провел ладонью по подбородку, заросшему трехдневной щетиной, оглядел свои рваные джинсы и свитер не первой свежести. – Не знаю... Вообще-то, легкая небритость сегодня в моде. И вообще... Мне кажется, что я неплохо выгляжу.

– Ты выглядишь отлично, дядя, – засмеялась Алина. – Просто у нас сегодня ожидается визит итальянских князей. Вот мама и переживает. Хочет, чтобы мы все и во всем соответствовали их высочайшему титулу.

– Князей? – Борис уставился на Дану. – Каких еще князей?

– Потом расскажу, – отмахнулась Дана.

– Хорошо, – сразу согласился Борис и взял сестру под руку. – Но ты не спросила, почему я так рано приехал.

– Почему я должна задавать тебе такие вопросы? – возмутилась Дана. – Я рада тебя видеть в любое время.

– Спасибо. – Борис кивнул. – Но я приехал так рано, потому что проголодался.

– Как проголодался? – Дана испуганно взглянула на брата. – Мама сказала, что перед отъездом оставила тебе кучу еды.

– Оставила, – взгляд Бориса стал печальным. – Но вчера ко мне завалили приятели. – Он сокрушенно развел руками. – И съели всю кучу. Вот я и подумал: зачем мне ехать в магазин, что-то покупать, готовить... Если у меня есть сестра и племянница, которая сегодня празднует день рождения. Они ведь не дадут мне пропасть.

Алина рассмеялась.

– Мы не дадим тебе пропасть, дядя.

Но Дана строго покачала головой.

– Потерпишь.

– Как это потерпишь? – возмутился Борис. – Я специально приехал... Я хотел заехать в кафе, но...

– Потерпишь, – отрезала Дана. – Я не хочу, чтобы ты перебил себе аппетит. Через час все сядут за стол. Будет жареный барашек. Салаты. Поешь со всеми. Как нормальный человек.

– Я не выдержу целый час, – взмолился Борис.

Дана поймала на себе укоризненный взгляд Алины.

– Ну хорошо, – смягчилась она. – Сделаю тебе бутерброд. Но только один.

– Хорошо. Один, – согласился Борис и подмигнул Алине. Дескать, где один, там и еще один.

Он пошел к дому. Алина и Дана – за ним.

– Вообще-то, острый голод возникает после приема наркотиков, – шепнула Алина.

Дана на ходу бросила на дочь долгий тревожный взгляд.

²² Агнон, Оз, Шалев – знаменитые израильские писатели Шмуэль (Шай) Агнон, Амос Оз, Меир Шалев.

– А ты откуда знаешь?

Алина уловила взгляд матери и замотала головой.

– Нет, что ты! Ребята говорили.

– Какие ребята? – напряглась Дана. – Ты с этими ребятами общаешься?

– Мама! – Алина остановилась. – Ты мне не доверяешь? Ты же знаешь, я боюсь наркотиков так же, как и ты. Просто Боря сказал, что голоден, и я подумала... Может быть, он опять?

– Не думаю. – Дана бросила взгляд на спешащего к дому брата. – Просто проголодался человек. Выглядит он вроде нормально. Глаза не красные, стоит спокойно, не дергается, руки не дрожат. Но...

– Что «но»? – шепнула Алина, заметив, что Борис повернулся и смотрит на них.

– Поговорю с твоим отцом, – шепнула Дана и улыбнулась Борису. – Он придумает, как это проверить.

Впервые о том, что брат употребляет наркотики, Дана узнала девять лет назад, после того как прошла собеседование в большой адвокатской конторе «Кан, Даммер и Эбель». После трех дней тревожного ожидания ей позвонили и пригласили на личную встречу с Велвелом Даммером, на которой ей предстояло узнать о судьбоносном решении. Всю ночь Дана ворочалась на кровати, которая вдруг стала тесной, душной и неудобной. «Надо поспать, – уговаривала она себя, тщательно закрывая глаза и в очередной раз начиная считать воображаемых ягнят и овец. – Если я не засну немедленно, завтра я буду выглядеть как драная кошка». Но сон упорно не шел, а мысли лезли в голову одна страшнее другой. «Почему со мной встречается только Даммер? – думала она, в очередной раз переворачивая и взбивая подушку. – Конечно, чтобы отказать. Если бы они меня взяли, то на встречу пришли бы все вместе. И Кан, и Эбель. Сообщили бы радостное известие, подняли бы по бокалу шампанского. А для отказа достаточно одного Даммера». Да, похоже, они ее не возьмут. Дана села на постели и опустила ноги на пол. Наплевать. В конце концов, она не безработная. Конечно, контора «Адвокатское содружество» не идет ни в какое сравнение с «Кан, Даммер и Эбель», но зарабатывает она неплохо, в судах выступает, клиентуру себе нарабатывает, и довольно устойчивую. Зачем ей эти пижоны с сигарами и дорогими автомобилями? Когда-нибудь они окажутся в суде против нее. Вот тогда они поймут на своей шкуре, кто такая Дана Шварц, и жестоко пожалеют, что в 2012 году приняли неверное решение. Дана взглянула на часы. Половина второго. Чтобы не опоздать, ей надо встать не позднее половины седьмого. Значит, спать ей осталось в лучшем случае пять часов. Завтра будут слипаться глаза.

Дана вернулась под одеяло. А может быть, вообще никуда не ходить? Ни на какую встречу. Зачем ей выслушивать вежливый отказ? Завтра, вернее, уже сегодня, у нее обычный рабочий день. Она пойдет в свою контору, сядет за свой стол в маленьком кабинетике, свяжется с Даммером, тепло поблагодарит и скажет, что в переходе к ним не заинтересована. Пусть эти самоуверенные парни в костюмах из английской шерсти и шелковых галстуках не считают, что отказали ей. Пусть всегда помнят, что это она к ним не пошла. Эта идея увлекла Дану, и она принялась обдумывать детали завтрашнего демарша. Встреча назначена на девять. Значит, в начале десятого ей позвонит секретарша Даммера и поинтересуется, почему молодая нахалка не соизволила явиться вовремя на аудиенцию к ее великому боссу. Но Дана ничего не станет объяснять, а просто скажет: «Простите, я не могу сейчас говорить, у меня срочное дело. Я позже свяжусь с господином Даммером и все ему объясню». Вот будет шума! Глаза этой секретарши ползут на лоб. Она ведь не припомнит, чтобы кто-нибудь из молодых адвокатов так с ней разговаривал. Приятные мысли о своей грядущей победе убаюкали Дану, и она уснула.

К утру ее боевой задор угас, и когда будильник своим мерзким звоном разбудил ее в половине седьмого, она, двигаясь, как в полусне, добралась до ванной и залезла под душ. Выпив кофе, Дана подивилась своим ночным мыслям и, признав идею бойкота встречи несостоятельной, вызвала такси.

Секретарша Даммера, которую Дана, согласно ночным планам, должна была потрясти своей дерзостью, встретила молодого специалиста радушно. Усадила в кресло, напоила кофе и сообщила, что «господин Даммер никогда не опаздывает, а значит, будет с минуты на минуту». И действительно, ровно без трех минут девять Велвел Даммер вошел в приемную, кивнул секретарше, оглядел вскочившую из кресла Дану с головы до ног и кивнул:

– Доброе утро, коллега.

Это «коллега» заставило сердце на мгновение замереть, а затем забиться часто-часто. Почему он назвал ее коллегой? Потому что она, как и он, адвокат? Или... Неужели?

Дана вслед за Даммером вошла в кабинет и села в предложенное кресло. Даммер целую вечность стягивал с себя светлый плащ, вешал его в шкаф, расправляя каждую складку, затем расчесывал маленьким гребешком густую, тронутую сединой шевелюру. Дана смотрела на него, с трудом сдерживая желание вцепиться в холеное горло над крахмальным воротником сорочки и завопить: «Ну, скажи уже, что вы решили!» Собрав в кулак всю волю, она продолжала улыбаться, глядя прямо перед собой. Наконец Даммер сел за стол и поднял на нее глаза. Улыбка Даны, вероятно, сказала опытному адвокату все о ее душевном состоянии. Он едва заметно улыбнулся и сказал:

– Мы приняли решение предложить вам место в нашей компании.

Дана вздрогнула и ощутила, как защипало глаза и запершило в горле. Даммер деликатно отвернулся и принялся что-то искать в верхнем ящичке стола. Дана выхватила из сумочки платок и легко коснулась им глаз. Даммер достал из ящичка несколько листов.

– Если вы согласны, возьмите наш типовой договор, который мы подписываем с каждым начинающим работать в нашей компании. Посмотрите. Если считаете нужным, внесите изменения. И мы их обсудим.

Дрожащей рукой Дана взяла листы договора. Это был не сон. «Компания «Кан, Даммер и Эбель», далее именуемая «Работодатель...»

– Прочтете позже, – улыбнулся Даммер и, подождав, пока Дана уложила листы в сумочку, навалился грудью на стол. – А сейчас давайте поговорим о нашей профессии. Расскажите, как вы ее видите, а я поделюсь с вами своими соображениями.

Разговор затянулся на полтора часа. Уже после первых фраз Дана ощутила доверие к сидящему напротив нее мужчине и заговорила свободно и раскованно. Через четверть часа Даммер предложил перебраться в массивные кресла, стоящие в дальнем углу кабинета, и попросил секретаршу сварить им крепкий кофе. Когда Дана замолчала, он откинулся на спинку кресла и, пристально глядя на нее, сказал:

– Я рад, что вы начинаете работать с нами. Думаю, вы укрепите нашу компанию и станете ее заметной частью. Что касается вашей проблемы, о которой вы предпочитаете молчать, то мы готовы помочь вам решить ее раз и навсегда.

– Проблемы? – Дана замерла, не донеся чашку с кофе до губ. – О какой проблеме вы говорите, Велвел?

Даммер нахмурился. В его взгляде Дана прочла недоверие. Неужели он заподозрил ее во лжи?

– Я говорю о вашем брате Борисе.

– О Борисе? – Дана вернула чашку с кофе на стол. – А что с ним? Он ведь только окончил школу. Он собирается в университет и...

Брови Даммера собрались в одну линию, на лбу появились глубокие складки.

– Он не собирается в университет, Дана. Он может оказаться под судом в ближайшие недели. У него уже три привода в полицию.

Дана почувствовала, как дрогнуло и бешено забилось сердце. Этого не может быть! Боря? Она бы знала.

– За что? – автоматически спросила она.

Вопрос прозвучал настолько искренне, что Даммер поверил: она ничего не знала о том, что происходит с братом. Он облегченно вздохнул, его взгляд стал теплым и почти родственным, а в голосе появились сочувственные нотки.

– Наркотики.

– Торговля? – спросила Дана, с тревогой ожидая ответ.

– Хранение и употребление, – мягко произнес Даммер. – Его брали во время облав в различных барах и на дискотеках.

Губы Даны дрогнули.

– Мы готовы помочь. – Даммер положил ладонь на руку Даны. – Во-первых, закрыть все дела против него. Во-вторых, организовать лечение от зависимости. Но он должен дать согласие.

Дана взглянула в глаза Даммера и кивнула.

– Я этим займусь. Спасибо вам, Велвел.

В тот же вечер у нее состоялся трудный разговор с мамой. Услышав, о чем с ней хочет поговорить Дана, Вера Борисовна расплакалась. Дана почувствовала, как замирает от жалости сердце. Она села рядом с матерью и обняла ее за плечи.

– Почему ты мне ничего не рассказала?

– Когда? – всхлипнула мать. – Ты на работе с утра до вечера. То в суде, то на встречах. И о чем я должна была тебе рассказать? О том, что я говорю с ним, но он не слушает? О том, что отец был на грани инфаркта, когда Боря впервые попал в полицию? О том, что мы уже привыкли к визитам людей в форме и почти спокойно относимся к ночным звонкам?

Дана отодвинулась от матери.

– Ты должна была мне все рассказать. – В ее голосе зазвучали жесткие «адвокатские» нотки. – Я не чужой человек. Ни вам с папой, ни Боре. Я не должна была узнавать об этом случайно, от своего нового босса.

– А откуда об этом знает твой новый босс? – Вера Борисовна шмыгнула носом, но в ее голосе появился явный интерес.

– Они наводили обо мне справки. Запросили полицию и получили ответ.

Вера Борисовна скорбно поджала губы.

– Это как-то отразится на твоей карьере?

– Нет. Но мне предложили помощь. Они закроют все дела в полиции, но при одном условии. Боря должен согласиться пройти курс лечения.

Вера Борисовна подняла глаза на дочь.

– Давай поговорим с ним об этом вместе.

По ее щекам вновь потекли слезы. Дана придвинулась ближе и обняла мать.

На лечение Боря согласился. Дана сидела в обнимку с братом, гладила его по спине, а он что-то рассказывал ей о потерянной жизни, об ошибках, которые уже не исправить, о том, что он никому и ни во что не верит. «И в лечение не верю, – заявил он, отстранившись от Даны и глядя ей прямо в глаза. – Но если тебе это нужно, если может пострадать твоя карьера, я согласен его пройти. Я не хочу разрушать еще и твою жизнь».

– При чем тут моя карьера? При чем тут моя жизнь? – Дана закусила губу. – Ты должен стать другим. Ты должен все исправить. Еще ничего не потеряно. Ты сможешь, Боренька. Я в тебя верю.

Не отвечая ни слова, Борис смотрел на нее, и в глубине его глаз мерцала насмешка. «Он мне не верит, – поняла Дана. – Он считает, что все дело в моей карьере. Он не верит, что я переживаю за него». А переживает ли она за него? Конечно, с ней никто не говорил о том, как живет брат. Но она видела. Вернее, должна была видеть. Трясущиеся руки и красные глаза, какие-то подозрительные типы, приходившие к брату. А она делала вид, будто верит, что типы – это просто приятели, а красные глаза – от недосыпа, вызванного подготовкой к экзаменам. Неужели

все дело действительно в ее карьере? Дана отвела глаза. Теперь она займется Борей всерьез. Теперь она не оставит это родителям. Неожиданно для самой себя Дана схватила Бориса за руки, притянула к себе и обняла.

– Моя карьера тут ни при чем. Ни при чем, – забормотала она. – Я тебя вытащу из всего этого. Вытащу. Обязательно.

Борис провел в лечебнице три месяца. Потом почти полгода шла реабилитация. Дана приезжала к нему каждую неделю. Беседовала с врачами, медсестрами и нянечками, психологами и специалистами по социальной адаптации, искала специалистов по лечебным травмам и знатоков теории мотивационного усиления, настаивала на комплексном подходе к лечению. И добилась успеха. Из лечебницы Борис вышел преобразившимся. Но, главное, он поверил сестре. Дана стала для него непререкаемым авторитетом, а он для нее – любимым «младшеньким», о котором ей надо заботиться.

С тех пор прошло восемь лет. Борис окончил курсы барменов и устроился на работу в ресторан, владельцы которого (это проверил Габриэль по просьбе Даны) категорически не допускали проникновения в их заведение наркотиков. Конечно, работа не ахти. И от специальности брата Дана была далеко не в восторге. Не сможет же он всю жизнь работать барменом? Она пыталась поговорить с братом о серьезной карьере, о поступлении в университет, но Борис только улыбался и говорил, что он доволен жизнью и не хочет ничего менять.

...Проглотив два бутерброда с колбасой и запив их крепким кофе, Борис повеселел.

– Вам нужна какая-нибудь помощь? – обратился он к Дане и Габриэлю, сидевшим в креслах около дома.

– Нет. – Габриэль обвел взглядом поляну, заставленную столами. – К приему гостей все готово. Садись, отдыхай.

Борис опустился в кресло рядом с Даной.

– Не могу дозвониться до мамы, – пожаловался он. – Уже два часа ее телефон недоступен. Дана нахмурилась и переглянулась с Габриэлем.

– Она все-таки в море, – сказал Габриэль. – Там нет устойчивой связи.

– Но вчера ее телефон работал, – упрямо продолжил Борис. – Довольно устойчиво. И сегодня утром.

– Вчера она была на Крите, – объяснила Дана.

– Я говорил с ней в начале третьего ночи. Они уже были в море. – Борис нахмурился. Ему явно было неприятно возражать сестре, но и принять ее версию он не мог. – Сегодня она позвонила мне около одиннадцати. Сказала, что через шесть часов будет в Израиле. Но после этого телефон перестал отвечать. А ведь они приближаются к берегу.

Дана еще раз взглянула на Габриэля.

– Сейчас я выясню, – пообещал он и достал из кармана телефон. Набрал номер и отошел в сторону.

– Что ты так разволновался? – Дана коснулась руки брата.

– Зачем маме выключать телефон? – Борис нервно дернул плечами.

– Может быть, она прилегла отдохнуть.

– А папа?

– Его телефон тоже отключен?

– В том-то и дело. Папа никогда не спит днем. И привычки отключать телефон у него нет.

Дана бросила тревожный взгляд на Габриэля, продолжавшего разговор с неизвестным собеседником. Она достала из кармана мобильный телефон и набрала номер. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны доступа мобильной сети», – ответил ей механический голос.

Подошел Габриэль и сел в кресло.

– Все в порядке, – улыбнулся он. – У них была какая-то задержка в пути. Но сейчас яхта «Мария» идет к берегу на всех парах. Они будут в Ашдоде около пяти.

Дана облегченно вздохнула и взглянула на брата.

– Ну, вот видишь. Все хорошо. К шести, максимум в начале седьмого, они будут здесь. А теперь я расскажу тебе, какие гости у нас сегодня ожидаются.

– Действительно князя? – Борис вскинул на Дану живые серо-голубые глаза. – Или Алина шутит?

«Нет, он не наркоман», – успокоилась Дана. У наркомана не может быть такого ясного и чистого взгляда.

– Князя, – кивнула она. – Еще какие князя! Итальянские.

13

Громкие шаги за дверью ходовой рубки раздались ровно в половине четвертого. Капитан Колдер Рид выглянул в окно и увидел Генриха Шварца. Тот быстро поднимался по трапу, держась рукой за металлический поручень. «Что еще случилось?» – подумал капитан, не сводя глаз с встревоженного лица пассажира.

Яхта «Мария» уже полчаса находилась в территориальных водах Израиля и, согласно всем расчетам, через полтора часа должна была зайти в порт Ашдода. Капитан заступил на вахту сразу после того, как тело Миши Орлова было отправлено в холодильную камеру, хотя по расписанию вахту должен был нести Оливер Жервиль.

Он попробовал возразить капитану.

– Вам лучше отдохнуть, сэр, – заявил помощник капитана, не выпуская из рук рукоятки штурвала. – Когда мы прибудем, на яхте начнет работать полиция. Вам придется нелегко.

– Ничего, друг мой, – капитан устало кивнул. – Мне все равно сейчас не заснуть. Да и сидеть в своей каюте я не смогу. Вдруг произойдет что-то еще? Так что можете быть свободны. Отдыхайте. Тем более что после завтрака я так и не дал вам поспать.

По просьбе капитана боцман Арчер Перриш запер кают-компанию, библиотеку, спортивный зал и бильярдную. Пассажиры разошлись по каютам. В два часа их пригласили в столовую, где подали бутерброды и вареные яйца. Княгиня Эмилия Колонна отказалась и от того, и от другого и попросила кока приготовить ей «что-нибудь легкое». Живко Тодоров запек куриную грудку в сметане, и княгиня пообедала в своей каюте. По просьбе капитана доктор Авраам Теппер не отходил от Лукреции Колонна и Марии Славиной. Женщины не вставали с постелей в своих каютах. Около Лукреции сидел ее брат Джованни, около Марии – супруг Леонид и сестра Вера. Доктор Теппер периодически заходил то в одну, то в другую каюту, проверял пульс, измерял давление и молча выходил. Каждый час он являлся в рубку и докладывал капитану о состоянии женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.